

Юрий Колкер

КЕНТАВРОМАХИЯ

первая книга стихов
(1970-1972),
издание третье,
исправленное и дополненное

Milton Herts WD6

2020

Yuri Kolker
СЕНТАУРОМАХИЯ

Юрий Колкер
КЕНТАВРОМАХИЯ

ПЕРВАЯ КНИГА СТИХОВ,
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ
(1970-1972)

© Text: Omnibus

© Design & Cover: YK

© Ouroboros Emblem: Rosa Gorelic Z"L

СЫЗНОВА

(1970-1971)

**«Всё начато сызнова, сызнова.
Вы знали меня не таким...»**

Мы — поздние всходы земли.
Учились мы долго и трудно.
Нам путь облегчить не могли
Ни паводки, ни журавли.
Мы, поздние всходы земли,
Глубинные воды подспудно
Впитали и всё же взошли.

И было непросто взойти.
Дыхания нам не хватало.
Сомнение нас угнетало.
И были другие пути.
И мы через это прошли.
Плоды запоздалой науки,
Мы — поздние всходы земли:
Она разрешилась от муки.

Мы — поздние: наша беда!
Но так уж ведётся на свете:
Любимые чада — всегда
Последние, трудные дети.

3.11.70

Мне столько радости приносит зренье
И столько счастья доставляет слух!
Мне так везёт! Поторопись, мгновенье!
Я человек, а не бесплотный дух.

Я человек... Захватывает дух
От этой мысли, высказанной вслух.

20.12.70

МОИ ЧЕРНОВИКИ

Вместе с памятью пусть и бумага
Эти дни для меня сохранит,
Чтобы трусость моя и отвага
Мне поставлены были на вид.

Мне когда-нибудь будет награда:
На другом берегу оглянусь,
И откроется дней анфилада,
И нахлынет блаженная грусть.

Этих строф перспективы сквозные,
Этих ямбов дворы проходные,
Этих грёз обходные пути —
Через каждую должно пройти.

Но теперь у меня на примете,
Целый мир наблюдений и книг.
Тем они примечательны — эти
Неприметные, бедные дни...

5.12.70

Иных взрослят не годы, а печали...
Мы шуткою приятеля встречали,
На лекциях пикировались с ним —
И вдруг он недоступен, нелюдим,
Задумчив, как поэт на пьедестале.
— Он потерял... — мне шёпотом сказали.

Нам сквозняком пронизывало грудь.
Мы перед ним тихонько расступались,
Предупредительными быть старались,
Не досадить случайно чем-нибудь,
Не оскорбить ребячеством привычным...

Величествен сиротства ореол!
Когда он тихо к остановке брёл,
Вчерашним шалопаем загадочным
Загадочным казался, непривычным:
Не потерял, казалось, приобрёл.

23.01.71

О чём я плачу? можно ли унять
Повадку человеческой природы
Решимости душевной изменять
При смене настроенья и погоды?

Я не обижен, я не угнетён.
Не знаю, отчего я не взролею.
Дождит или плохой приснился сон —
И вот я присягаю водолею.

Там, за окном — осенняя капель
Тоскливейшая. Сумеречным светом
Пронизывает эта канитель
Меня и сообщается предметам.

25.11.70

Осени карнавал,
Листьев верша круженье,
Прежней мечты крушенье
В сердце ознаменовал.

Но не измену, нет!
Новою правдой полон,
Детству итог подвёл он
В неразберихе лет.

Некарнавальный след
Он по себе оставил:
Горсточку умных правил —
Ладанку-амулет.

Я бы его назвал
Эхом прощальным лета,
Если б не знал, что это
Осени карнавал.

12.11.70

Какое счастье пасть у Фермопил!

Не то чтоб нет достойнее примера,
Но эллинская мною правит вера,
Дорический непостижимый пыл,
Иная человеческая мера...

Я русский. На декабрьском снегу
Моя нога лыжню себе проложит.
Я перед родиной в таком долгу,
Что кровью рассчитаться не смогу,
Когда меня сочтут и подытожат,
А эти строки долг ещё умножат.
Но я и перед древними в долгу.

Нет, я совсем не вождь, ничуть не воин,
И, верно, трус порядочный... Ни в чём
Не преуспел ни сердцем, ни умом
И вряд ли слова доброго достоин.
А всё-таки надеюсь: хватит сил
Не улизнуть. Не скину эту тяжесть
На плечи, что покрепче: сам отважусь.
Суди мне случай пасть у Фермопил!

Встречать судьбу привольней на миру.
Я варварам земли моей не выдам.
Пусть безымянным, пусть не Леонидом,
Я, долг исполнив, эллином умру...

11-12.11.70

Пора подумать о душе.
Гоню взашей созвучья злые,
Лелею радости простые,
Покой и волю в шалаше.

С меня довольно мишуры,
Коленец, вывертов игривых
Небрежностей самолюбивых
Протуберанцев и хандры.

Пора подумать о душе.
Моими давними грехами
Набросан вольными штрихами
Её портрет в карандаше.

И что-то, надобно признать,
Уже едва ли поправимо —
Прогалопировало мимо,
А время не воротишь вспять.

Мне страшно с некоторых пор,
Что сокровенное нарушу:
В сердцах — в слезах — окликну душу,
А дверь закрыта на запор.

12-20.11.70

Матери

Я человек без биографии.
По расписанью четверть века
В законе прожито и здравии,
И стих — единственная веха.

В угоду скуке и приличиям —
Медаль по окончаньи школы,

Ещё шесть лет — диплом с отличием,
Опять модальные глаголы.

И где-то за аспирантурами
Маячат в сумеречном свете
С физиономиями хмурыми
Добропорядочные дети...

Учитесь! Повторится заново
Цепочка недоразумений
С благословенья безымянного,
Скучнейшего из поколений.

2.02.71

ЛАТЫНЬ

А. К.

Их речь практична и стройна:
Военных правил и законов
Впитала логику она
И окрики центурионов.

Построены, сочленены
Из жёстких угловатых линий,
Здесь сами буквы дисциплине
Расчётливой подчинены.

Так, выслушав слова приказов,
Смыкается за рядом ряд —

И хмуро воины стоят,
Себя мечами опоясав.

27.01.71

Ключ к нормальной нашей речи —
Эпохальный эпос сечи...
Напихаю в уши вату.
Прочитаю Илиаду.

Олимпийцы-боги! В стане —
Беотийцы, афиняне:
Кто в доспехах и каратах,
Кто в прорехах и заплатах, —

Всех обида мучит злая
За Атрида Менелая:
Мол, ломаем эту стену
И поймаем ту Елену!

Будут крыты золотом шканцы
И убиты все троянцы,
Враг давнишний... Всех огнём бы
Вместо пышной гекатомбы!

Над землёю этой грешной
Следом бою — бой кромешный,
Да бродячие сюжеты
Да незрячие поэты.

26.11.70

Я только звено в бесконечной цепи
Потомков и предков моих —
Кочевников, гнавших коней по степи,
Бродяг на планетах иных.

Мне внятен и скифский напев тетивы,
И межгалактический сплин.
Извольте ко мне обращаться на вы
С младенчества и до седин.

6.12.70

Что тебе не спится, мельник?
Чорт ли вертит жернова
И аукает, бездельник,
И хохочет, как сова?

Иль повадилась лисица
Кур утаскивать в лесок?
Или талая водица
Не течёт под колесо?

Знаю: требует живую
Подать с мельни водяной!
То-то дочку молодую
Не докличешься домой.

Шумно у тебя в светлице —
Да, слышать, привычен ты:
Лаает, точно пёс, порхлица.
Топают конем песты.

Шумно тут, да одиноко.
В целом доме — ни души.
Видно, дочь твоя далёко —
Воротиться не спешит.

Дело, ясно, молодое...
Что же солоно отцу
Время катится водою
По косматому лицу?

Где русалочья запруда,
Точно девичья коса
Воды тёмные, — оттуда
Ветер носит голоса...

(Скажешь — целую неделю
Не утихнут земляки:
— Эх ты мельник-пустомеля!
Что подслушал у реки?

Знаем этим разговорам
Цену! Всё ты об одном...)
Слышат их старик да ворон,
Что на дубе под окном.

26-27.11.70

Месяц на ущербе.
Что ни день, ясней:
Что-то в лунном серпе
От судьбы моей.

Выгнутый, как губы
Старческие, он
Подчиняет убыль
Азбуке времён.

На снежинки крошит
Лунные рога.
На снега, пороши,
На снега, снега.

6-8.12.70

Звёзды. Изморозь. Ночь-колдунья.
Притаившаяся пурга.
Новогоднее полнолуние,
Бриллианты и жемчуга.

Неподвижный глубокий воздух.
Белизна и голубизна.
И настоящая на звёздах
Первобытная тишина.

8-18.12.70

Десятилетье завершает бег
И с ним — столетие огня и мрака, —
Неистовый, невероятный век,
Век Шостаковича и Пастернака.

18-20.12.70

Метели приходят в упадок.
Убавилось снега и туч.
В душе водворяя порядок,
К земле пробивается луч.

Уходят, уходят метели,
И слякотью город грешит,
А лес, где нахохлились ели,
Сквозной тишиною прошит.

Под вечер от книг и тетрадок
Встаю, предвкушая досуг, —
И мысли приходят в упадок,
И грусть возвращается вдруг.

10.01.71

Сидел один учёный астроном
Апрельской тихой ночью за столом
И вычислял периоды планет,
Где атмосферы нет и жизни нет.

И той же самой ночью агроном,
Весьма учёный, тоже за столом
Сидел, освобождая от земли
Те зёрна, что под Троей не взошли;

Поэт пытался мир уверить в том,
Что месяц — это апельсина долька...
И каждый думал: вечность за окном.
А за окном была весна, и только.

21.12.70

Е. Лившицу

Мне целый мир не станет домом,
Голконда не заменит мне
Весну в проулке сызмальства знакомом
На Петроградской стороне.

Москва мне звук пустой. Париж мне ближе,
Мне Лондон и Флоренция родней.
Скорблю, что их вовеки не увижу,
Но сердцем я — у Ждановки моей,

У рек слиянья, у моста Тучкова,
Где корюшкою пахнет ледоход.
Мой друг на Бармалеевой живёт.
Мне римский форум — площадь Льва Толстого.

Моя обитель — пушкинская речь.
Не жить мне в Сингапуре и Майями.
Земля богата дивными краями,
Но чем-то ведь придётся пренебречь!

Я видами Нью-Йорка не растроган.
Я, кстати, и на Марсе не бывал,
Зато на Марс отсюда стартовал
Мстислав Сергеич Лось — от наших окон.

...Не то, чтоб мне свободы не нужны...
Я и к благам не вовсе равнодушен.

Но, видишь ли, мне здешний воздух нужен.
Я родом с Петроградской стороны.

9.01.71, 1981

Минут спокойное скольжение,
И вздохи ветра за окном,
И преданный уничиженью
Декабрь, застигнутый дождём,

Декабрь, разобранный на строки,
На сроки, числа и слова,
И луж его слезоподтёки,
И в нищем теле деревá,

И улица пустая — это
Мои (отдай и не грехи)
Надежды, умыслы, приметы,
Живая летопись души.

Мой стих, очнувшийся в апреле,
Мешая слезы и слова,
Разводит эти акварели
За десять дней до рождества.

8.12.70

Погода на дворе — ни осень, ни зима.
Снег было лёг, да стаял. Сыро, грязно
И скучно. Отчего? Вот пища для ума!
Но образы в мозгу проносятся бессвязно...
Примусь читать — всё то же. Спят благообразно,
Пылятся над столом учёные тома.

Как ночь темна... Скупясь, отсчитывает Хронос
Минуты длинные, повсюду тишина,
Лишь лампа от стола бросает узкий конус,
Да полка книжная в углу освещена.
Вот умных книжек ряд... Чему научит он нас?
Не всюду ль в них сомненье — истина одна?

Их много набралось... Скольжу пристрастным взглядом
По переплётам, уходящим в тень.
Монтень и Вяземский — они случайно ль рядом?
— Что знаю я? — весь век свой вопрошал Монтень, —
По мановению чьему приходит день
И ночь? И что есть Бог, земля и атом?

Не более дала его судьба земная
Петру Андреевичу Вяземскому. Он,
Свой лимб восьмидесятилетний завершая,
Такой отвесил современникам поклон:
— Я жил, не разумея, для чего рождён,
И умер, не поняв, зачем я умираю.

22.11.70

Мне, изгою,
Быть с другою,
Быть обвенчанным с пургою!...

В ритме престо
Танца вместо
Мечется пурга-невеста.

На панели —
Вот веселье! —
Стелет мягкие постели.

— Полог ночи
Приторочим! —
Сообщает между прочим.

У плутовки
Речи ловки.
Полно, нет ли тут издёвки?

Мне, изгою,
Быть с другою
Уготовано пургою.

1-5.12.70

Близится срок. За окном
Снегом укутанный дворик.
Час ожидания горек.
Ночь не торопит со сном.

Близится памятный миг:
Детства ушедшего дата.
Что же он так виновато,
Так отрешённо возник?

...Схлынул — и нет ничего.
Я и грустить не пытаюсь.
Мы ведь в согласьи расстались,
Схлынуло грёз волшебство.

Дату запомню, историк,
Только её. За окном
Снегом укутанный дворик,
Дворик, укутанный сном.

6.11.70

Вот твой портрет. Ты здесь не Беатриче.
Былых тосканских черт в помине нет.
Откуда взялся этот облик птичий?
Передо мной усталости портрет.

Ты в зимнем здесь, и взгляд куда-то мимо,
Задумчивый, нацелен. В нем испуг
И пустота. Один давнишний друг
Прислал в письме мне этот странный снимок.

Должно быть, в спешке и без настроенья,
В другие погруженная дела,
Запечатлелась ты. Ко дню рожденья
Мне эта почта прислана была.

Да, снимок неудавшийся. А всё же
На нем, усталая и не моя,
И смутная (засвечены края)
Ты мне весёлой, той, моей — дороже.

11-12.11.70

Ты, говорят, разошлась
С мужем... Занятно и странно!
...Только то?! Старая рана,
Вижу я, прочно срослась.

Впрочем, признаюсь: задето
Сердце моё, но слегка,
Неким подобьем толчка.
Если не выдумка это,

Было бы грустно узнать!
Было бы, право же, грустно,
Прошное спрятав искусно,
Заново все начинать.

8.11.70

Печален воздух. Вечер одиноч.
Не жду я, что зальётся звонким лаем
Мой телефон, брыластый, как бульдог.
Всё выяснено. Всё мы понимаем.

Спи, верный пёс на привязи своей!
Звонка не будет. Мне известно это.
Пытаюсь думать о судьбе вещей
И в комнате не зажигаю света.

Вот кресло — дерево, не волшебство.
В нём грёзе можно бы предаться, если
Посметь нарушить пустоту его:
Она, она сидела в этом кресле.

Темнеет рано. Осень. За окном
Угадываю клёна жёлтый локон,
А клён ведь помнит: некогда вдвоём
Стояли мы у этих самых окон...

24.11.70

В тот самый миг, когда любовь ушла,
Когда она погибла, умерла,
И мы с тобой, без грусти, не рыдая,
Над нею наклонились, и когда я
Ушёл в свои, а ты — в свои дела, —
Молчали о любви колокола.

И колокольчики цветов молчали,
Те самые, которые венчали —
Не нас, не нас, а только красоту
И счастье — смехотворную чету,
Такую неразлучную вначале.

И это было, как удар весла,
Разительно и просто... И минута
Отчаянья прошла. И почему-то
Молчали о любви колокола.

8.12.70

Я перелистываю дневники мои.
Как мне жилось тогда, в те дни и ночи,
Что с ним она была? Но между строчек
Лишь только вздох один. От службы до семьи
Детали все на месте, дальше — прочерк.
О горестях умалчивает почерк.

О ревность поздняя! Мелькают даты.
Быть может, этот день? быть может, эта ночь?
И с глупой преданностью на меня, точь-в-точь
Как псы, страницы смотрят виновато.
Мне видится она. Гоню виденье прочь,
Воображение не в силах превозмочь.

11.01.71

Любовь всегда одна, теперь мне ясно.
Я столько раз встречал зарю без сна,
Её надеясь повторить напрасно,
Что ясно мне: любовь всегда одна.

И ясно мне: любовь не терпит позы.
И, прочих очевидностей ясней,
Отвергнутому не помогут слезы,
И я всегда мальчишка перед ней.

24.01.71

Я напишу стихи не о тебе.
Да, в них не будет о тебе ни слова —
Ни памяти, ни имени, ни зова,
Ни жалобы насмешнице-судьбе...

Я поселю в стихи моих друзей —
Участливых, радушных, незлобивых,
И девушек улыбочивых, красивых,
И всяких положительных зверей.

И все на свете будет чин по чину.
Я в этом окруженьи воцарюсь,
Издам законы, угрожая сплину
И уголовно наказуя грусть...

Но сердце заупрямится... И, значит,
Дурной Ликург, поправший свой закон,
Я брошу мой эдем, что только начат,
Едва намечен... снегом занесён...

Ведь знаю, что беды моей не спрячу,
Не ждёт меня в нирване забытьё.
Утрачен целый мир к тебе в придачу —
Весь белый свет, приданое твоё.

24.01.71

Что бежать без оглядки
От любви? Тем верней
На вагонной площадке
Обомрёшь перед ней.

Мановеньем кошмара
За квадратом стекла
Ночь, как ворон Эдгара,
Распростёрла крыла.

Ворон! взяв в твоих криках
Сокровенную ложь,
Врут колёса на стыках:
— Не вернёшь! Не вернёшь!

В подземельях и штольнях
Шепчет злая беда,
Как шильонский невольник:
— Никогда! Никогда!

4.02.71

Я вспомнил об истине старой,
Заполнив четыре листа.
Всё верно! Гречанка с кифарой
Является к нам неспроста.

У этой красотки ревнивой
Давно уже так повелось:
Поэт и любовник счастливый
Всегда обретаются врозь.

5.02.71

Ты сфинксом смотришь в души нам, а мы
Отводим взор, тебя не понимая, —
Ты, неизбежность наступленья тьмы,
Не скрашенная обещаьем рая!

В кругу друзей, в горячке откровений,
В насмешке олицетворённых притч, —
Не жутко ли напраслину сомнений
И одиночество своё постичь?

Вот вещи. Их не замечаем мы,
Без них минуты обойтись не мыслим.
А ведь они и есть граница тьмы,
Венец раздумьям, и словам, и числам.

Как близко подступает их предел
Размеренностью неодушевлённой
К трепещущей, незнанием смущённой
Душе, водительнице наших тел!

Неотвратимый путь овеществленья!
Никто бы не сумел ужиться с ним,
Когда б не ты, святое ослепленье —
Одно, чем этот ужас устраним. —

Чем объяснить, что этот лист бумаги
С тремя десятками небрежных строк
Мне сообщает вдруг прилив отваги
И подымает мысли потолок?

Кто истолкует тайну вдохновенья?
Кто свяжет вещество и божество?
Пьянят необъяснимые мгновенья,
И я не помню страха моего...

11.11.70

Вот мир души: ты в нем дитя
И вечно борешься с собою.
Мелькнёт надежда — миг спустя
Её опровергаешь с болью

И вновь уныл и одинок...
Но обстоятельства принудят —
И собираешься в комок,
Чтоб сносно выглядеть на людях.

Вот внешний мир: мы в нем полны
Полезной сутолокой. В спешке
Сомнения отмечены,
Мечты не стоят и усмешки;

В заботах, встречах деловых,
При галстукке рассудку явлен,
Он властно сумраку твоих
Видений противопоставлен.

Мы счастливы, когда найдём
Возможность улучшить мгновенье
Не в первом и не во втором,
А в точке соприкосновенья.

24.01.71

Приходит год на смену году.
Взрослея, понимаем мы,
Что не в чем упрекнуть природу
Перед лицом грядущей тьмы.

И мы живём, чтоб научиться
Природе словом отвечать
И знать, что мы её частица,
Её предмет, её печать.

8.01.71

Настанет мой черёд
Шагнуть в слепую бездну,
Во мрак летейских вод.
Как странно! Я исчезну...

Меня меж вами несть —
Меж правых и неправых —
И что же? Всё как есть
В созвездиях и травах!

И что же? В этот миг
Не стало меньше света,
Не оскудел родник,
Не осеклась планета,

Не стала тишина
Препятствовать вплетенью
Нелишнего звена
В круговорот движенья.

Начертан ваш завет
Всё теми же словами...
Меня меж вами нет,
Но я остался с вами.

10.11.70

...А что если вовсе
Уйти, не оставив мостов?
Крепись и готовься,
Тверди в своём сердце: готов!
На улице вьюга.
Полынь и растрava в крови.

Не встретишь ни друга,
Ни счастья, ни братской любви.

Но есть у изгоя
Хоромы, где муза царит,
Где счастье другое
Изгнаннику рифма дарит.
Печаль, улечуась,
Прозрачным оставит вино...
Светла моя участь!
Её возмутить мудрено.

20.11.70

Пусть тебя не коснётся забота
О его неуютной судьбе.
Эта песенка — принц Галеото,
И она о тебе, о тебе.

Он за каждое слово в ответе —
С чем он локон сравнит золотой
Или перси чудесные эти,
Он, наперсник счастливейший твой?

Эта песенка — принц Галеото.
Ты её перечти перед сном —

Не затем, чтобы выяснить что-то,
А затем, чтобы вспомнить о нём.

5.12.70

Как мы молчали об одном,
Тебе, сестрица,
Январский сумрак за окном
Проговорится.

Молчали мы начистоту
Молчали дружно,
А он вздымал свою тщету
Легко и вьюжно.

Он уговаривал: молчи!
Таись устало,
Кому затепленной свечи
Недоставало.

Подслушал всё, иезуит
Слухач нахальный, —
Открытости не утаит
Исповедальной.

А наша исповедь проста,
Как струйка дыма:

Заоблачная чистота
Недостижима.

В неизъяснимой тишине
Тебе, сестрица,
Венец не нужен, да и мне
Не воцариться.

И никого не отвлекал
От теософий
В глубоком омуте зеркал
Твой тонкий профиль.

Снежинки ветер за окном
Сметал с карниза,
А мы молчали об одном
С тобой, Кларисса.

5-6.01.71

Ты придумана мною, я знаю.
Всё равно, повторяю опять:
Ты ведь тоже грустишь, дорогая,
И себя не умеешь понять.

Эта грусть — безупречное чудо
Нашей юности давней. Оно

Продолжается в душах, покуда
Им прекрасное знать суждено.

Ты придумана мною — и рядом,
И во мне, и повсюду, где ты,
Водопадом алмазным, каскадом
Рассыпаются наши мечты.

Это вовсе не значит, что где-то
Есть назначенный выход, черта.
Это просто улыбки рассвета
Ослепительная красота.

5.01.71

Был вечер в точности такой,
Какой за окнами сегодня.
Струился сумрак новогодний,
И снег ложился голубой.

Ложился снег с привычной ленью,
И новый источала высь,
И эти мерные движенья
Сознанию передались.

Теперь уже ничуть не важно,
Что это было. Да, ничуть!

Остался только вздох протяжный
Да снегом занесённый путь.

В блаженном сумраке осталась
Печаль, позёмка у ворот,
И та счастливая усталость,
Какую музыка даёт.

5.01.71

Погода к настроенью моему
Чутка до странности, до боли:
Апрельскую затеять кутерьму
Январь, фальшивый в этой роли,
Спешит, едва пожалуюсь ему.

Циклоны слабости моей послушны!
Стенают ветры за окном
Со мною в лад — и столь же малодушны,
Пусты, как я, плаксивы, никчемушны...
Всё об одном твердят, всё об одном...

11.01.71

Январь проплакал десять дней
И прежде, чем пришли морозы,
Пропал, не сделавшись умней,
Растаял, завещав нам слёзы.

Всё чудилось: опять не так
Я мысли заносу в тетрадку,
И вызывал любой пустяк
Как будто воздуха нехватку.

Поплакал он — и был таков.
Февраль принёс скрипенье санок
И меховых воротников
Прибавил всюду, и ушанок.

Казалось даже: вместо слёз,
Январской этой ахинеи,
Он словно мужество принёс.
И люди сделались добрее.

31.01.71

В городе снег. В городе снег
Этот вовсе не первый,
Будто немолодой человек,
Сдерживающий нервы.

Между прохожих, где повезло,
Скучный, притворно кроткий,
Он пробирается всем назло
Старческой походкой.

В городе снег. Вот почему
Вдруг погрустнели речи:
Вздумалось посеребрить ему
Головы человечьи.

Всё-таки, видно, дело к весне,
Если уж так неловок
В городе снег. В городе снег,
Старческий без уловок.

02.1971

ЭТО Я, ГОСПОДИ!

(1971)

«Все несчастья на свете приносит любовь.

Муки, узы и сети приносит любовь...»

Мне дорог дух осьмнадцатого века:
Балы, причуды, голубая кровь
И мысли взлёт, и вера в человека,
И к вымыслу высокая любовь.

Лицом и сердцем обращаюсь к чуду,
Стяжателью оставлю злобу дня
И ветхой рифмой упиваться буду,
Как люди не умели до меня.

6.04.71

Прозрачные полтона —
Не оторваться: плеск... лагуна,
Расцвечивает тишь волна
По мановению Нептуна.

Возьми полтона ниже — мне
Звучат слова, ещё полтона —
И в наступившей тишине
Слышны мелодии Плутона.

5.04.71

Венеция. Джакомо Казанова
Вступил, как в храм, в свои шестнадцать лет.
О, Серениссима! Ты — сень алькова,
Ты лёгкости счастливой амулет.

Фасад ажурен, тень зеленовата,
Прохлада сладостна, как плеск весла.
Венеция ни в чём не виновата,
Расчётливо-лукава, весела.

Прелестна маска юного поэта.
Но годы сделали своё — и вот:
Прощается со мною Анриетта,
А я не верю, что печаль пройдёт.

В печали творческой, неповторимой
Текут минуты... Мы дождёмся дня,
И я услышу от неё: — Любимый,
Как прочих, ты забудешь и меня...

5.04.71

Наш кубок недопит —
Он пуншем налит!
Таинственный опыт
Душе предстоит:

Увидеть, что зримо,
И всё — без прикрас:
От хлама — до Рима,
От Рима — до нас.

В краю мелкотемья,
Поднявшись над ним,
Пространство и время
Стиху подчиним!

30.12.71

Весна, весна... Простор простужен
До слякоти, до хрипоты...
Мне только этот мир и нужен,
Эскизный, с выплеском мечты.

Как нежен, как нездешне-чуток
Едва проклюнувшийся лист,
Как презирует он рассудок,
Наивный сентименталист!

Коряги, чёрные, как пики,
Нам лес протягивает — там
Гнездятся мхи, сосульки, крики —
Восторженный пернатый гам.

Там все приведено в движенье,
И воздух, прелый влажный ток,
Пьянит до головокруженья,
До слабости и валит с ног.

И лёгкий стих мой так непрочен,
Так незадачлив, неказист,
Что только к счастью приурочен,
Как к исповеди гимназист.

1-6.04.71

Я словно впервые встречаю весну
И будто впервые
Я чувствую сердцем её глубину
И струны живые.

И в этом ничуть не мешают теперь
Ни холод, ни лужи.
В апрельское небо распахнута дверь —
И солнце снаружи...

Мне нужно увидеть и уразуметь
До малой приметы
Все действия её, прихотливую смесь,
Причуды, секреты.

Брожу по весне, нараспашку пальто,
Мурашки по коже.
А слёзы — вы видите сами на что
Весною похожи.

20.04.71

Март гриппует, он охрип,
Кашляет в кулак.
То и дело слышен всхлип,
Слякоть на скулах.

Говорит он январю:
— Братец, выручай!
Разболелся и хандрю,
Таю невзначай.

Не помогут мне врачи!
Грусть развей мою —
Бедолагу научи
Бодрому житью.

Я ведь не мадам Жанлис,
Не на том стоим.
Со слюнтяем поделись
Мужеством своим.

10-11.05.71

Апрель выпрастывает крылья.
Мне лепет каждого ручья
Передаётся без усилия,
И эта музыка — ничья!

Она — моя, она повсюду
Повисла в воздухе, она
Сама собой, подобно чуду,
Пространством осуществлена.

В ключе ребячьих лопотаний
Весёлой солнечной воды
Апрель с картавинкой в гортани
Её твердит на все лады.

И кажется: на целом свете
Мы тем единственно полны,
Что просто счастливы, как дети,
Как школьники, и влюблены.

6-17.04.71

ДВЕ ПРАВДЫ

1

Давай забудем все напасти,
Все добродетели, грехи —
Любимая, какое счастье
Писать никчёмные стихи!

Блаженный ямб — первооснова
Вселенной, разуму урок
Всепобеждающего слова
И наслаждения залог.

2

Не хочется недужных строчек
И платонических причуд,
А хочется набухших почек
И ветра южного чуть-чуть.

Душа соскучилась без тела,
Осточертели хворь, дела,
Отшельничать — осточертело:
Весна кусает удила.

Она твердит, слова мешая,
Как школьница с набитым ртом:
Гляди, Медведица — бааальшая! —
На небе вышита крестом!

3.05.71

Вообрази: мы восьмиклассники.
Январь, и, точно в закрома,
В свои бездонные запасники
За снегом лазают зима.

Вообрази, что всё получится,
Как ты надумала тогда,
И что не мы, а ветер учится
И силится промолвить: да!

И что часы считая до ночи,
Подружки глупые, не ты,
Грустят, глаза свои девчоночьи
Повыплакав до темноты.

Все выдуманно, хватит мучиться!
Что с нашей выдумкой в связи
Хоть что-нибудь у нас получится —
Любимая, вообрази!

3.05.71

Татьяне Гнедич

Все взять и все вернуть сторицей!
Я — как на привязи — в долгу:

В себе на счастье берегу
Закат над северной столицей.

Её чахоточный рассвет,
Её рассеянные ночи —
Язык пробелов, многоточий
Твержу бог знает сколько лет.

Слежу за белой быстрой птицей
Облокотясь на парапет, —
За чайкой мечущейся... нет,
За счастьем, за его частицей.

11.05.71

В реке, в лесу, на небосводе
Под утро и на склоне дня
Всё совершается в природе
Так, словно бы и нет меня.

Под дождиком и звездопадом
Ежеминутно между тем
Я есть, я бодрствую, я рядом,
Я заинтересован всем.

Природа! Я над нею властен
Уже хотя бы тем одним,

Что к постижению причастен
И от мечты неотделим.

11.03.71

Весна берёт меня за плечи —
И всё к улыбке сведено,
И всяческим курьёзным встречам
Благословение дано,

Шальной неразберихе речи,
Весёлой зелени лесной...
И если мне ответить нечем,
То не она тому виной.

Я где-нибудь на склоне лета
Задумаюсь и оглянусь,
И будет сказано: сонета
Не получилось... Ну и пусть!

20.05.71

Неба ли весеннего кусочек,
Не разбитого на этажи,
Или ворох этих майских строчек:
Что сегодня выберешь, скажи?

Снилось мне, что нас тропа лесная
Приглашает на прогулку, ты
Улыбаешься — и я не знаю,
Родственные ли у нас мечты.

У тропы внимательные ели,
Зноем доведённые до слез,
Жадно поглощают акварели
Девичьего лепета берёз.

На полянах, собранные в горстки,
Из-под земляничного листка
Ягоды, большие, как напёрстки,
Дразнятся, зелёные пока...

Снилась мне, зачем — ещё не знаю,
Да и ты едва ли объяснишь,
Созерцательная глушь лесная,
Хвойная и лиственная тишь.

25.05.71

ПРИБЛИЖЕНИЕ ЛЕТА

Пока роятся у висков
Весенние заначки,
Маячит время отпусков
И время летней спячки.

И лес по-доброму сердит
В своих побегах пробных,
И людям следует бродить
В его дворцах подробных.

Бродить по улицам, взахлёб
Лопочущим, что где-то,
Бетховенский насупив лоб,
К весне шагает лето.

Подхлёстывает лето нас
То ласково, то люто,
Но каждый день и каждый час
И каждую минуту.

Весна шагнула на порог.
На трапезе прощальной
Надломим, как ржаной кусок,
Мой стих экспромпентальный.

24.05.71

Холмы, деревья и кусты,
Полянки и тропинки
Выбалтывают нам мечты
И грёзы под сурдинку.

В природе столько доброты
И прелести, и грусти,
Как в наших реках — широты
В низовиях и устьях.

И человек устроен так,
Чтоб каждое мгновенье
Вступать с природою в контакт
И соприкосновенье.

21.05.71

Троллейбус: суতোлка, толки,
Толкучка, тряска, маята,
Колени, головы, кошёлки,
Похрапыванье, теснота.

Флегматики и дон-кихоты,
Студент, рабочий, агроном,
Кто с вечеринки, кто с работы,
И все в троллейбусе одном.

Не вижу никакого толка
В подобной суতোлке я,
Но мне запомнится надолго
Людская эта толчея.

Я тесноте скажу спасибо,
Когда возникнет предо мной
Мадонна кисти фра Филиппо
За коверкотовой спиной.

24-28.04.71

Важно, как на сцене театра,
Даже чуточку важней,
Ходит кошка Клеопатра
В жалкой комнате моей.

В Кении безводной львицы
Не вышагивают так.
Старенькие половицы
Ей поскрипывают в такт.

Рассуждает кошка: — Скверно!
Целый день не ем, не пью! —
Но не смотрит лицемерно
Даже в сторону мою.

Кошке думается: — Видно,
В этом доме мне не жить.
Как им всё-таки не стыдно
Про животное забыть!

А из кухни пахнет вкусно!
Дай-ка сяду у дверей... —
Грустно, грустно, ах как грустно
Кошке в комнате моей.

8.04.71

— Как жизнь молодая? — Как богу угодно!
Как всякому жить подобает на свете.
Супруга при мне и послушные дети.
Тружусь плодотворно, хотя и бесплодно.

Как лошадь английская чистопородна,
Мечта галопирует, вздох на запрете.
На кухне сижу на кривом табурете,
Читаю романы, теперь это модно.

Скучает посуда, белье на верёвке,
Рубашки, штанишки, жаркое в духовке,
Кастрюли посажены в ряд на плите,

Воркуют тихонько то эти, то те.
Живётся неплохо, скажу без уловки!
Тепло и уютно в моей мышеловке.

24.04.71

Дощатый стол, на нем краюха хлеба,
За ним скамья да низкое окно —
Кусочек сумерек, кусочек неба,
Кусочек лета, прожитый давно.

Лесная глушь, тропинки, сырость, гнилость,
Покой эпический, древесный шум.
Закреть глаза — а вдруг тебе приснилось?
Прислушаться и не бежать от дум.

Я говорю: все это было где-то,
Но не с тобой, признайся и не трусь, —
Осколок вечности, кусочек лета...
Но я в него, как в зеркальце, смотрюсь.

11.05.71

Опять не ты мне снилась, а другая.
Едва рассвет забрезжил на стене,
Проснулся я на смятой простыне,
От слёз мальчишеских изнемогая.

А та, что мне увиделась во сне,
Спокойная, как прежде дорогая,
Вошла, как бы рукой отодвигая
Завесу лет, и улыбнулась мне.

Нам прошлое нельзя переиначить!
До спазмы воздух удержав в груди,
Я ей шепнуть пытался: уходи,

Но промолчал — и день слезами начат.
Слеза к слезе, весенние дожди.
И прошлое маячит впереди.

17.04.71

В моем мальчишеском последнем сне
Не ты, любимая, приснилась мне.
Не ты, не ты мне снилась, а другая...
Под утро я, от слёз изнемогая,
На скомканной проснулся простыне.

И был рассвет, недобрый, склеротичный,
С чахоточною бледностью, пустой -
Не охра, нет, и не желток яичный,
А чай, казалось, вылит был спитой
С соседней крыши на забор кирпичный...

Я вышел из дому... Чернел канал
В своей рубашке, скроенной на вырост.
Деревья жадно впитывали сырость,
И ветер крылья в воду окунал.

Да, был рассвет, и стало ясно мне:
Прошла по кромке еле уловимой
Не ты, не ты, а только тень любимой
В моем мальчишеском последнем сне.

18.04-10.05.71

Ты живёшь в Петербурге, где воды слышны,
Где воздушные своды ясны.

В них прозрачные сумерки вносит весна,
Точно снадобья просит от сна.

Ты живёшь на Фонтанке, над чёрной водой,
Под высокой покорной звездой.

Здесь закат неразлучен с рассветом — июнь
Сопричастен поэтам и юн.

Там, где чёрная катится с плеском вода,
Где и прочих чудес хоть куда,

Отошедшего века невзятым постом
Летний сад за горбатым мостом.

И сюда не проникли ни тленье, ни вздох
И ни кровосмешенье эпох.

Мы подслушаем звуки мазурки вдвоём
В эту ночь в Петербурге твоём.

2.05.71

Напиши мне длинное письмо,
Честное, безвыходное, злое,
Противоречивое, пустое,
Всё, что разом вылилось само, —

Что по-прежнему дыра в горсти,
Что удача показала пятки,
Что бегут года, что всё в порядке,
Хоть концы с концами не свести,

Что заботы наседают кучей, —
Обо всём об этом, от души,
Дорогая, если будет случай,
Улучи минуту, напиши!

9.05.71

Я научился тишине,
Приливам и отливам,

Поверил медленной волне,
Её словам ленивым.

И вот, подробны, как в кино,
И будто мне послушны
Река и город заодно
Притихли простодушно.

Внимательный парит покой
На белых мягких крыльях,
Пока над медленной рекой
Дробится день на шпильях.

И ночь в сорочку тишины
Тончайшую одета,
И до локтей засучены
Закаты и рассветы.

10.06.71

От катера идёт волна крутая
И, у ступеней взмыв наискосок,
Дождём обрушивается у ног —
И это, в сущности, вода простая.

Но так катастрофически черна
Река в своей оскомине летейской,

Что кажется: наколота волна,
Как бабочка, на шпиль адмиралтейский.

17.05.71

Как невская вода у берегов черна!
Так память о минувших поколениях
Пугает и манит, прекрасна и страшна.
А мы сидим на каменных ступенях
И неглубокого не различаем дна.

Любуюсь, как валы, сбегаясь с двух сторон,
На камне схлёстываются попарно,
Ты говорила мне: — Тосканы грустный сон,
Таковыми чудятся мне воды Арно,
Когда он лигурийским ветром возмущён...

Я возражал: — Их оживит весна!
Смотри, вот-вот нагрянет сверхурочно
Другая живопись: смешки, полутона,
Венеция твоя — с волной цветочной,
Расслабленной... ну что ты так грустна?

18.05.71

Такой внимательный и хрупкий,
Чуть приглушённый, деловой
Был голос в телефонной трубке —
И твой и, кажется, не твой.

В него вплетались неустанно,
Некстати находя момент,
Потрескивания мембраны -
Пространства аккомпанемент.

И лишь когда его нарушил
Гудков однообразный строй,
Я понял: я тебя не слушал,
Я слушал только голос твой.

19.05.71

ПИСЬМО

Если что-нибудь и было,
Я случаен, нелюбим:
Если б ты меня любила,
Стало б небо голубым.

Не кручинились бы воды
Цвета выпланных глаз
Или тютелька свободы
Обнаружилась у нас.

Но печальны воды, небо,
Со свободой всё трудней,
А сердца тоскуют слепо
И становятся умней.

22.05.71

Пустяк, такую малость —
Вчерашней встречи нить —
Додумать мне осталось,
До точки уяснить.

Пустяк, но почему-то
Я полон тишиной
И тянутся минуты
Бессонницы ночной,

И дразнятся пространства
Виденьем пустоты,
Любви, непостоянства,
Ребячества, мечты.

Так вот какую малость,
Малёхонькую пядь,
Всего-то и осталось
Мне до утра понять!

Ещё осталось — очерк
Волос, ладоней, плеч
Для этих лёгких строчек
Из памяти извлечь.

29.05.71

Говорю: сбежать бы в захолустье,
В хвойный сумрак, на десяток дней —
От никчёмности моей и грусти,
От тоски и немощи моей.

Чтобы слёз моих никто не видел,
Чтоб не знала ни одна душа,
Как я глупо милую обидел,
Как ревную, злясь и мельтеша,

Как теперь, распутывая узел,
Кулаками подперев виски
Вижу со стыдом: я просто струсил
По-ребячески, не по-мужски.

Говорю: урвать бы только малость,
Крохотную толику весны —
И сбежать, и что в душе металось,
Там оставить, как дурные сны.

Вот какая вышла незадача:
Оттого ни ночи мне, ни дня,
Что, вчерашний день переинача,
Стыд и совесть мучают меня.

Фарисействую с библейским жестом,
Что порядок в душах водворён,
И отделяюсь общим местом,
И к терзаниям приговорён.

22.05.71

НА ДЕСЯТИЛЕТИЕ *РАДУГИ*

— Путник, откуда грядёшь? — Я был на Обводном канале
В *Радуге* многоизвестной. Поэты гурьбой собрались там.
Странные вещи творят: лясы без устали точат,
Яства с высоких столов разом спешат поглотить.
Буйствуют! Веришь ли, пьют, водой вино не разбавив.
Пляшут менады меж них, громко кричат: Эвоз!
Песни во славу богов я в их собраньи не слышал!
Нет ни сосновых венков, ни сладкозвучных кифар...
— Если у них и впрямь на Обводном такое творится,
Что же — на Воинова, дом восемнадцать, скажи?

14.05.71

Сложу высокопарный стих.
Скажу, что дух мой тешит лира,
И ток таинственен и тих
Быстротекущего эфира.

Признаюсь, что меня манит
Полет высоких женских ножек
И прелесть томная ланит...

Но кто соседу объяснит
Предназначение мест отхожих?
Он к раковине семенит!

Тут храм, кричу, а не квартира!
А он в кругу друзей своих
Соображает на троих.
Попробуй, отрешись от мира!

06.1971

ВОСПОМИНАНИЕ

В том сквере на углу мне каждый куст знаком.
Дорожки подметать и соблюдать газоны
Приставлена была ещё во время оно
Старуха в этот сквер с метлою и совком.

С ватагой детворы, мальчишкой-босяком,
Глаза на этот мир тараща удивлённо,
Я флоры не щадил, и бабка исступлённо
Гнала нас прочь и вслед грозила кулаком.

Была она худа, криклива и скуласта
И вечно занята работою своей.
Казалось нам, что ей перевалило за сто...

Старухи нет давно, и сквер теперь ничей.
Я больше не шалю, бываю здесь не часто,
Но как ни загляну, а всё взгрустну о ней.

06.1971

К КИРИЛЛУ Л.

Я себе самому не отвечу,
Почему среди прочих потерь
Нашу самую первую встречу
Так мне важно припомнить теперь.

По касательной связан с тобою
Этот день, но навек не забыт
Пятачок над полоской прибоя,
Где студенческий лагерь разбит.

Было пасмурно, море штормило,
Мы приехали, весь экипаж

Из автобуса хлынул уныло
На пустой и замызганный пляж.

В соответствии с общим порядком
В канцелярию сдав паспорта,
Мы приписаны были к палаткам,
Получили в столовой места.

В дождик, этакой скверной порою
Прихожу, объясненья просты.
А меня дожидаются трое —
Это Алик, Володя и ты.

Хоть и грустно, но вовсе не странно
Через долгие годы опять
Благодарную роль д'Артаньяна,
Мной не сыгранную, вспоминать.

Всё казалось печальным не слишком,
А, напротив, весёлым вполне
Четырём загорелым мальчишкам,
В том числе почему-то и мне.

Бормотал не понять по-каковски,
Шепелявил лазурной губой
Разморённый жарой августовской
Черноморский ленивый прибор...

Есть у моря печаль колдовская
И особый торжественный строй.

Из ребяческой дружба мужская
Невзначай вырастает порой.

31.05.71

Вечерами у лимана
Сыро, звёздно и темно.
Море ленточкой тумана
С небом соединено.

С наступлением прилива
Улеглось у самых ног,
Дышит весело и живо,
Точно ласковый щенок.

12.05.71

У заката повадка такая:
Он приветлив и нетороплив.
С ним на отмель приходит прилив,
Флегматичной луне потакая.

А у моря повадка такая:
Чуть луною умылась волна,
Нам пророчествует глубина,
В дактилический сон увлекая...

27.05.71

Что снилось мне? Турусы на колёсах,
Весёлые такие, с огоньком.
И русая вакханка, босиком,
С колосьями, запутанными в косах.

Что снилось мне? Изба на курьих ножках,
Две галки на облупленной трубе,
Облезлый кот на крыше, а в избе
Сокурсница моя в одних серёжках.

Что снилось мне? Всего не вспомню я.
Весёлая была галиматья.

06.1971

РУБАИ

Не любовь ли толкает безумца к перу?
Я бокал за любовь подниму на пиру.
В ней единственной вижу я цель и призванье —
А стихами за пыл воздаянье беру.

Все несчастья на свете приносит любовь.
Муки, узы и сети приносит любовь.
Но и всё, для чего мы с тобой существуем, —
Даже птичку в анкете, — приносит любовь.

Пусть же эти напасти сопутствует нам.
Нет желаннее власти и пут мудрецам.
Пусть до гроба сладчайшее в мире несчастье
Нас к причастию водит в языческий храм.

06.1971

ИСПОВЕДЬ ГРАФОМАНА

Мне кажется, что я проник
В страну, прекраснейшую в мире:
Я брошен в окруженьи книг
Один в родительской квартире.

Всё улеглось во мне. Блажен,
Кто пишет: лёгкий слог привычен

Моей руке, дающей крен,
И разуму небезразличен.

Я счастлив. Видно, оттого
Не помышляю о досуге,
И мне не нужно никого
Ни в собеседники, ни в други.

Нехитрых радостей моих
Полным полно на целом свете,
И все они — единый стих,
То в памяти, то на примете.

Июнь прекрасен. Моросит.
На улицах светло и сыро.
В пространстве мировом висит
Моя волшебная квартира.

Когда под вечер сплетены
Деревья в чёткие эстампы,
Великий праздник тишины
Царит, в мои вплетаясь ямбы.

14.07.71

Немудрёные слова,
Ненавязчивые звуки,
Высота и синева
Мною взяты на поруки.

В хореическую речь,
Точно в речку, — окунуться.
Только музыку сбечь,
Улыбнуться, улыбнуться...

25.11.71

Господи, сколько свободы
Или — точнее — любви
Выпало мне от природы
В лучшие годы мои!

Ибо любовь и свобода —
Это и хлеб, и вино,
Это и дом, и работа —
Это и вправду одно!

28.08.72

Воркует судьба-ротозейка,
И на руку мне воркотня:
Глядишь, и найдётся лазейка
У этой кумы для меня.

Я знаю: найдётся, найдётся!
Нехитрое дело — найтись.
А нет — проживу, обойдётся.
Подскажет сама: отшутись.

30.12.71

Переплету черновики.

В них все мои заботы вхожи.
Ведь сохраняют дневники!
И хоть, понятно, проза строже,
А мне мелодия дороже.

Она без всякого труда,
Смешна, напыщенна, сермяжна,
На лист заносится отважно.
Не получилось? Не беда.
Сказать по правде, мне не важно,
Где песнь, а где белиберда.

Конечно, где-то Пастернак
Уже заметил, что не так,
А следует совсем иначе
Писать, не заводить бумаг,
Что, мол, важна самоотдача,
А рукописи — пустяки.

Но мне и промахи легки.
Я душу безоглядно трачу
И в самой скверной неудаче
Не откажусь и от строки.

Переплету черновики.

24.05.71

БРОДЯЖНИЧАЮ

(1)

Дороги, дороги, дороги,
Ночной станционный фонарь...
Попробуй в высокой эклоге
Воспеть паровозную гарь!
Попробуй забыть на минуту
О городе призрачном том,
Где чайка, ревнуя к уюту,
Висит над Литейным мостом.
Мы едем в товарном вагоне,
Сидим в непролазной грязи,

А время — улитка на склоне,
Улитка на склоне Фудзй.
Нас холод изводит ночами,
А днём донимает жара,
И зябко поводят плечами
Над нами косые ветра.
В скитаниях, с детства манящих,
Как вахту, несём канитель.
Небрежно сколоченный ящик
Заменит нам стол и постель.
Хоть это и странно, а всё же
Мне нравятся эти деньки:
И холод, и жёсткое ложе,
И ссадины, и синяки.

18.07.71

(2)

Путь не близкий, не долгий.
Мы плывём по Днепру.
В третьем классе на полке
Я проснусь поутру.

Поднимусь и увижу:
За окошком река,
Стали круче и выше,
Отошли берега.

Там молоденький ельник,
Вдалеке березняк

И рассвет акварельный
На речных пристанях.

Поднимусь — и замечу,
Что с утра моросит,
Ветер дует навстречу,
Туча косо висит,

И что слог мой неловок,
И свободен от дум
Для одних зарисовок
Приспособленный ум.

19.07.71

(3) КАНЕВ

По Днепру снуют лодчонки и баркасы.
Загорелые девчонки у турбазы,
И молоденький художник, их не старше,
Пишет маслом две порожних старых баржи.

А за дамбою — наносы с рыбаками.
Говорят, богаты плёсы судаками.
Лодки в крошечном заливе ждут, послушны,
Точно лошади на привязи в конюшне.

Вот пустующая пристань. Над мостками
Замечтались два туриста с рюкзаками.
Детвора смежает очи, отгорланив...
До утра, спокойной ночи, город Канев!

22.07.71

(4)

Облака к непогоде.
С пол часа моросит.
По реке пароходик
Не спеша колесит.

С торжеством василиска
За обильной едой
Чайка носится низко
Над свинцовой водой.

Вот и кончился дождик.
Мы на пляже вдвоём:
Бородатый художник
Примостился на нём —

Этот плёс, этот берег,
Эту водную гладь
В одинаковой мере
Мы должны угадать.

Вот тетрадь, мой этюдник.
Как и он, напишу
Цепь откосов безлюдных,
Вод отшельничий шум,

Неба светлую нишу,
Дальней отмели нить —
То, что вижу и слышу
И могу объяснить.

21.07.71

(5)

Не выискивай замыслов трудных,
Понапрасну усилий не трать.
Вот тетрадь, твой походный этюдник,
Для одних зарисовок тетрадь.

Напиши, не солгав ни на йоту,
След, оставленный в море винтом,
Отступающий пляж, позолоту
В остывающем небе пустом,

Где, сорвавшись с рекламной картинки,
Наравне с пароходной трубой
Чайки, словно в стакане чайники,
Оседая, плывут над тобой.

27.07.71

(6)

Мы приближаемся к порту.
Воздух горяч, недвижим.
В мареве слева по борту
Нам открывается Крым.

Белый причудливый город
К морю сбегает легко,
Зыбко рисуются горы
С голубизной у висков,

Дымкою голубоватой
Подведены — перевал,

Улицы, пансионаты,
Набережная, вокзал.

Парка зелёная пряжа,
Дым, корабельная снасть...
На подступающем пляже
Яблоку негде упасть.

Контуры парусной шхуны
Чуть различимы, легки,
Будто небрежный рисунок
Или чертёж от руки.

28.07.71

(7)

Какой бедой занесены сюда, —
Гордыней детской, страстью исполинской —
Пересекали греки понт Евксинский?..
Мне кажется, я вижу их суда

У той черты, где небо и вода
Сошлись на грани тверди материнской.
Твой север пасмурный, твой берег финский —
Последний пласт былого их труда.

Смотри: причалил смехотворный флот,
И — на берег выскакивают разом
Фалангою, и тут уж бой идёт.

И листригон, кося дикарским глазом,
Бежит от них, покинув свой оплот.
И утро пламенеет над Кавказом.

29.07.71

(8)

Лежу на деревянном лежаке
На пляже городском в Геленджике.
Волна едва освещена луной.
Тихонько ночь колдует надо мной.
Остался без ночлега, выход прост —
Лежу себе и слушаю норд-ост.
А он сердит, несёт по пляжу сор,
То вдруг присядет за угол, как вор,
И право, если б усмирить его,
Ночлег мой был бы, в общем, ничего.
Ещё бы лунную умерить грусть,
Да чаек крик, но с ними я мирюсь.
Я сплю на деревянном лежаке
На пляже городском в Геленджике.

5-7.08.71

(9)

Текут потоки мутные рекой,
По улице текут по Гребеньской.
Образовались по бокам пруды.
А говорят, в Анапе нет воды!
Судачат местные: мол, чинят трубы,
Да что-то больно долго, вот беда!

Вторые сутки не идёт на убыль,
Бежит, бежит кубанская вода!

6.08.71

(10)

Тихая синяя влага.
Зов одинокой звезды.
Там, у вершин Карадага,
Небо синее воды.

Что этой каменной массе
Думы твои, человек?
Спи. На скалистой террасе
Твой одинокий ночлег.

Был этот день или не был —
Так неприметны следы...
С морем соседствует небо,
С небом соседствуешь ты.

11.08.71

(11)

Решусь — и нарисую
В походный мой дневник
Не девочку босую,
А чудотворный лик

С овалами тяжёлых
Иконописных век

И флорентийской школы
Твой рот, твой смертный грех.

Изображу и спрячу
Нечаянный портрет —
На память, на удачу,
На много-много лет.

Напутствуй паладина
В нездешние края,
Мадонна Перуджино,
Авзония моя.

12.08.71

(12)

Сонные бухты и рыжие скалы:
Твой обожжённый, оскаленный Крым...
Первою ты этот мир отыскала.
Я этот мир открываю вторым.

Первою ты увидала воочью
Давнее чудо татарской горы:
Звёзды, призывно горящие ночью
Между уступами, точно костры.

Где же я был, сочинитель, бродяга,
Где и кому на обиду пенять,
Если заветную песнь Карадага
Первою ты догадалась понять?

11.08.71

(13)

Узкие тропы над скалами
Мечу ногами удалыми.
Мною у облака спрошено:
Здесь ли могила Волошина?
Мчатся весёлые ветры —
Не сосчитать километры.
Мною у южного спрошено:
Здесь ли могила Волошина?
Может, не знает и ветер
Места такого на свете?

11.08.71

(14)

Поэт направлялся к поэту.
На свете стояла жара.
Задорную песенку эту
Над ним напевали ветра:

— На добрых людей понадеясь,
Без снеди в дорожном мешке
Шагал босоногий индеец
По горной тропе налегке.

Забыл он и счастье, и горе,
Дорогой своей увлечён.
Искрилось под скалами море.
Сиял голубой небосклон.

Шагал быстроногий индеец
За тысячи миль от семьи,

На крепкие ноги надеясь,
На сильные руки свои... —

Поэт направлялся к поэту,
Шагал, напевая в пути,
Чтоб песенку, как эстафету,
К могиле его принести.

11-12.08.71

(15)

Домой, домой, домой!
Печаль неизъяснима.
Мне сделался тюрьмой
Прекрасный берег Крыма.

Мне чудится подвох
В его земных красотах.
Тоскую, видит бог,
О северных широтах.

Я точно сел на мель
И музе опостылел.
Мой стих утратил цель,
Мой гений обескрылел.

И сердцу и уму
Наскучило веселье
В пленительном Крыму,
В небесном Коктебеле.

11.08.71

(16)

Карман мой пуст, но голос чист
И лёгок посох мой.
Феодосийский жёлтый лист
Я увезу домой.

Легчайший символ этих мест,
Прозрачный, как перо.
Взамен добычи и невест
Он — всё моё добро.

Ребяческий весёлый свист,
Заплаты, хвастовство,
Феодосийский жёлтый лист —
И больше ничего.

11.08.71

ПЕРЕД ШТОРМОМ

Этих женщин не спутать ни с кем.
Хоть ни разу не пробовал качки,
Поневоле становишься нем:
Так бледны на причале рыбáчки.

Разметало цветные платки,
Раскачало прожектор на вышке.
А у них сведены кулаки,
И уткнулись в подол ребятишки.

Вдалеке потемнела вода,
Над посёлком гудят провода,
А рыбáчка стоит на причале
Неживым изваяньем печали.

20.09.71

Девятое чудо земное,
Фонтанки литой парапет,
Не мною, конечно, не мною
Открыт и впервые воспет.

И деды уже замечали,
И дети заметят стократ:

Записаны наши печали
Классической вязью оград.

Решётот таинственный очерк,
Узор, невесомый почти.
Поди, разбери этот почерк,
О радостях наших прочти!

26.08.71

Ты на минуту озарила
Моё унылое жильё
И — где ты, *днёвное светило*?
Где упоение моё?

Не стану удивляться чуду —
Такой классический недуг!
Не поклянусь, что не забуду
Ни этих глаз, ни этих рук.

Долой чернильные помарки!
Откуда кляксы на листе?
Не вышло из меня Петрарки —
Хоть те же слёзы, да не те.

17.10.71

У ветра прорезались крылья —
Пронёсся по скверу бочком,
Осыпал коричневой пылью,
Улёгся на землю ничком.

И улицы сразу притихли,
И Леты послышался плеск.
(Нева, словно олово в тигле,
Струит металлический блеск.)

На карликовый промежуток
Всё разом вокруг улеглось,
Движение суетных суток
Замедлилось, оборвалось...

Где Время, пучины исчадьё?
Откуда здесь быть тишине?
Какой это день в Ленинграде?
Не Вечность ли видится мне?

...Исакий с булавкой на шлеме,
И бронзовой лошади прыть,
И Лета... И мешкает Время,
Не зная, куда поспешить.

5.09.71

Помнишь ли? Тёмною брагою
До Ориона полна,
Над Петроградской и Прагою
Ночь возвышалась одна.

Своды её кафедральные
Не заслоняли луны,
Чтобы слезинки модальные
Были яснее видны.

Млечных галактик миндалины,
Очи, глядевшие вниз,
Нашей бедой опечалены,
Не опускали ресниц

И разминуться не дали бы
Нам, — но, в неправде смела,
Ночь, наше общее алиби,
Мост над судьбой развела.

2-4.12.71

УЛИЦА АЛХИМИКОВ

Виды видавшая улочка Праги.
Тихие старцы на лавочках спят.

Ветошь, лохмотья, халаты до пят.
Можно подумать, собрались бродяги.
Днём это жалкие старые скряги.
Ночью они — оккультисты и маги.

Если не трус, загляни сюда ночью.
Жуткие вещи творятся на ней:
Шёпоты, стуки, мерцанье огней,
Нечисти, ереси, тьмы средоточье,
Едкого сумрака дымные клочья —
Всё это можешь увидеть воочью.

Старец в парче, перед старцем треножник,
Тигли, штативы, реторты, весы,
Циркуль, пинцет, водяные часы
Будто собрал для этюда художник...
Прямо на противне, точно творожник,
Золото стряпает старый безбожник.

В ларь собирает готовые слитки,
К горну подходит, трусит порошки,
Льёт эликсиры в ночные горшки.
Вижу в руке его жемчуга нитки,
Вот и алмаз, чародей не в убытке...
Делает мету в папирусном свитке.

Утром опять, подобру-поздорову
Кончив работу, алхимики спят.
Те же лохмотья, халаты до пят.
В домиках, полных тумана сырого,

Кашляют, шеи набычив багрово,
Тайные слуги Рудольфа Второго.

28.08.71

ВИФЛЕЕМСКАЯ ЧАСОВНЯ

Часовня велика: простой двускатный свод,
Обширный тихий зал — твоя обитель, муза, —
Такая тишина, что кажется: вот-вот
Послышатся шаги магистра Яна Гуса.

С подсвечником в руке он зал пересечёт,
Посмотрит в темноту спокойно и устало,
Приблизится к стене и, осветив проход,
Растает в глубине восточного портала.

В каморке у себя он пишет допоздна.
Скрипит его перо, поёт сверчок запечный.
Глядит к нему в окно кусочек неба млечный.
Такая высота, такая тишина...

28.08.1971

ОСЕНЬ В ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ

Подсохли лёгкие помарки —
Итог вчерашнего дождя.
Хозяйничает осень в парке,
Кармин и охра разведя.

С неярким солнышком недаром
Расцветивает карнавал.
Мазок сандаловым отваром —
И парк неузнаваем стал.

Какие листья на асфальте
Политехнических аллей!
Приди, Антонио Вивальди,
И листопад запечатлей!

24-27.07.71

СЕНТЯБРЬ

Смотрите, нищенок отряд
В печали деловой, —
Осины вытянулись в ряд
С поникшей головой,

И две троллейбусных струны
Колеблются слегка,
И воедино сведены
Над ними облака.

Осенний, охристый, большой
Кленовый лист дрожит
Над головою, а другой
Медлительно кружит.

Вздохни — и ясный детский альт
В ответ подстереги,
И лист со звоном на асфальт
Ложится у ноги.

В прожилках выступила кровь —
Холодная, ничья,
Никчёмная, как та любовь
Последняя моя.

1.10.1971

Хмурые дали,
Мокрые дни.
Боги устали.
Люди — одни.

Чьи это слёзы?
Чей это вздох?
Метаморфозы.
Чертополох.

Дождик струится.
Тополь повис.
Мокрая птица.
Ржавый карниз.

Нищая кошка.
Крыша. Труба.
Вид из окошка —
Наша судьба.

Единодушна
Тихая грусть.
Это и нужно!
Пусть её, пусть.

21.10.71

Исчерпан Рим стихом державным.
Поговорим, но не о главном.

Закат горит. Крадутся тени.
Покой царит среди растений.

Стоит скамья. Бежит тропинка.
Вот ты. Вот я. А вот осинка.

Изгоям жаль бывшего звука.
Стоит печаль. Глядит разлука.

Слова нужны, хотя и тщетны.
Едва слышны. Ветхозаветны.

Вот луч зажѐг металл застѐжки
И ремешок на босоножке.

Вот каблочки. Им в грунте вязко,
Вот от доски отстала краска.

Сам Бог, как Бах, стыдясь не очень,
На мелочах сосредоточен.

24.10.71

Тянутся провода.
Тянутся в никуда.
Может, меня и не было,
Не было никогда?

Двери затворены.
Надписи не нужны.
Реки текут подземные,
Тягостно холодны.

25.10.71

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ В.М.

Там, где память приходит в себя,
В сентябре, на излучине года,
Как вернёшься, застолье — с тебя,
А с меня причитается ода:

— Ледящий глоток высоты,
Полоса на армейском погоне,
Два костра по бокам — две звезды,
И одна — на крутом небосклоне...

Обещаю без лишних прикрас
Для потомства оставить анналы —
Напишу... но потом, а сейчас —
Мы за дружбу подыдем бокалы!

За студенчество наше — о нём
Мы вспомянем с тобой, как сумеем,
И о прошлом без грусти вздохнём,
Как однажды Гораций с Помпеем*.

*Р. С. Помпея Вара не смешивать
с Гнеем Помпеем,
а также с Квинтилием Варом.*

5.09.71

Котёнок с лапой перебитой
Орёт истошно из кустов,
Голодный, брошенный, забытый, —
И я расплакаться готов.

Но вот плетётся мне навстречу
Калека, костыли кляня.
Признаться ль? Горе человечье
Ничуть не трогает меня!

4-17.10.71

ВСТРЕЧА

Выходит, ты живёшь на этом свете!..
Так ветер наши судьбы разметал,
Что я уже и верить перестал,
И вижу вдруг в каком-то новом свете:
Ведь ты живёшь, живёшь на этом свете!

И я живу, но я глупее стал —
Что может быть разумнее на свете?
Должно быть, просто я умнеть устал
И годы упустил, не наверстал,
И навсегда от прошлого отстал...

Но важно то, что ты живёшь на свете.
Я понимаю, мы давно не дети:
Работа, дом, и ты за всё в ответе.
Я понимаю, я умнее стал.
Но ты живёшь, живёшь на этом свете!

1.11.71

Прощай, не моя дорогая!
В холодном свечении дня,
В окне, на площадке трамвая,
Мелькни, не заметив меня,

Растай в петербургском предзимьи,
Где воздух колюч и тяжёл,
Панели в расплывшемся гриме,
И ветер слезой изошёл...

17.11.71

В хижине светит лучина.
В сумерках светит луна.
Есть и у счастья причина,
Есть и у горя она.

Мы забываем обиды.
Годы тихонько летят.
Звёзды меняют орбиты.
Кошки приносят котят.

30.08.71

Над твоими стихами я плачу четвертую ночь,
Над твоими стихами, прозрачными, как паутинки.
Их высокому строю шепчу: приговор свой отсрочь!
Может статься, по мне эта осень справляет поминки.

Над твоими стихами луна одиноко взошла,
На столе у меня тишину сообщила предметам.
Может быть, ты и знала, что зло я творил не со зла.
Может быть, ты и знала, но нет искупления в этом.

21.08.71

ФОТОГРАФИЯ

Посмотрите, вот девушка в свадебном платье.
Настороженность чутких опущенных век.
Изменить интерьер и добавить распятые —
Деятнадцатый век, девятнадцатый век!

Посмотрите, как сдержанно, точно и гибко
Ткань ритмичными складками падает вниз,
Как легка флорентийская полуулыбка
Даже не на губах, а у глаз, у ресниц.

Вся она — упоенье таинственной властью,
Гордость, смутная нежность, а больше всего
Акварельная грусть от потребности счастья
И своих неотъемлемых прав на него.

1.09.71

Когда она смеётся,
Мне глаз не отвести...
Когда она смеётся,
Её сердечко бьётся —
Оно не просто бьётся,
А просит: отпусти!

Когда она смеётся,
Похоже, что при всех
Хрусталь тончайший бьётся
На счастье без помех.
И даже нет, не бьётся...
Скорее тихо льётся

И точно влага, пьётся
Её чудесный смех.

24.10.71

От неустроенности, что ли,
От неприкаянности ли,
Уходит жизнь без нашей воли —
Дорогу скатертью стели!

Кружим у смерти на приколе,
Сидим тихонько на мели,
Живём, от этой жалкой роли
Отговориться не смогли.

Я цепенею в самом деле
И чувствую: уходит час,
И день, и вот уже неделя,

И всё идёт помимо нас,
И движется без всякой цели —
И, кажется, не в первый раз.

12.12.71

Вот и снова я один, вот и снова —
Неудачник, паладин, Казанова.
Ни ответа от тебя, ни привета.
Я же высохну, любя, Анриетта!

29.12.71

Ничто не волнует меня.
Минули вчерашние бури.
В холодном свечении дня
Живу, никого не виня,
С лукавинкой в тусклом прищуре.

В холодном свечении дня,
Где разум едва достоверен,
Мерещится мне западня,
И я становлюсь суеверен.

Процежено в марево дня
Сквозь марлю и мелкое сито,
Пространство причмокнуло сыто —
И больше не стало меня.

30.11.71

Посмотри, дорогая,
наш год невзначай пролетел.
Одуванчика пух
не быстрее слетает с ладони.
Влага выпита залпом,
и дно показалось в бидоне.
Чуть успели пригубить,
ёа он и совсем опустел.

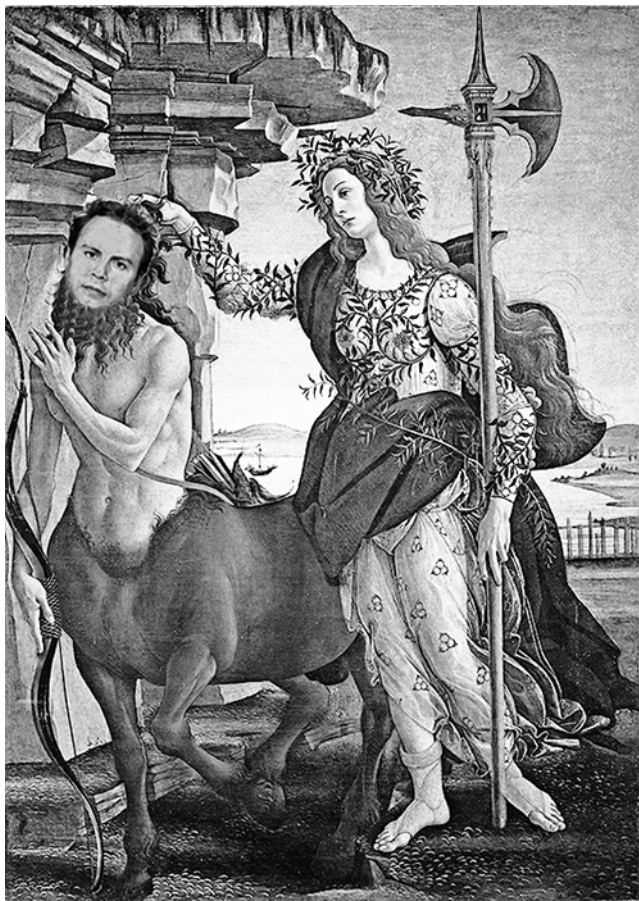
Вот он весь перед нами, как был...
Посмотри, посмотри:
Он не так уж и плох, этот год,
он не так уж и скуден.
Он прощается с нами —
шеренгою правильных буден
На Гражданском проспекте
кивают ему фонари.

31.08.1971

КЕНТАВРОМАХИЯ

(1971-1972)

«Богиня, искупи раздвоенность мою...
Я человек, но лишь наполовину...»

Б. П.

Всё начато сызнава, сызнава.
Вы знали меня не таким.
Под слёзы ребёнка капризного
Растаяло детство, как дым.

Растаяло, вовсе растаяло,
Послушно, волшебю ушло.
Рождественской ёлке оставило
Своё колдовское тепло.

Всё реже и всё непривычнее
Свидания наши теперь:
В его коридоры тепличные
Печальная скрипнула дверь.

6.12.1971

ВЕЧЕР

В окошке, нежная голубка,
Сияет звёздочка в углу.
Белеет месяца скорлупка
Сквозь новорожденную мглу.

Седеет день, густеет иней,
Столетье снежное пришло —
И сколько мягких, нежных линий
В себя вобрало, навело!

А воздух так глубок и звонок...
Качаясь зябко, чуть дыша,
Как вылупившийся цыплёнок,
Земля пушиста, хороша!

18.01.72

Поскрипыванье снега под ногой
Верней, чем ручейка журчанье,
Сумеет скрасить мне твоё молчанье
И ясный в души низведёт покой.
Но день идёт к концу, и близится прощанье,
И Мойка выгнута дугой.

Пойдём, любимая, над белою рекой.
Здесь жил один поэт, его ты помнишь ясно.
Он в этом доме жил. Смотреть опасно!
Вот чья-то тень под аркой, под рукой.
Тому и года нет, поэт другой
Здесь побывал, я полон ежечасно
Его пленительной строкой.

Пойдём теперь и мы. Мне дела нет,
Что этот путь кому-то неугоден —
Всё оттого, что будто бы бесплоден,
Когда единожды воспет.
Поскрипывает снег, мой дух свободен,
И снят мучительный запрет.

23.12.71

Лёгкий шаг снежинок
Здесь, над мостовой,
В уличных витринах
И над головой
Точно понарошку
Тянет канитель, —
В белую дорожку
Превратил панель.

Здесь, над мостовую,
Снег, остановись!

Свежий запах хвои
В воздухе повис.
Улица в перинах
Нежится, живёт.
Холод мандаринок.
Ёлка, Новый Год.

23.12.71

СНЕЖИНКИ

Рама в белом пухе.
Редким повезло! —
Сонные, как мухи,
Липнут на стекло.

По горизонтали
Тянутся гуртом,
Мешкают, устали,
Сели под окном.

Сонные, не в духе,
Ходят во дворе,
Редкие, как мухи
В кухне в октябре.

23.12.71

Ну, смелее, снежок!
Хоть зима на исходе,
Мой неожиданный дружок,
Покружись на свободе!

Всё с тобой веселей!
Всё — привычное дело.
Даже скука милей,
Даже грусть посветлела.

Чем ты дорог, уму
Не откроется внятно.
Хорошо одному!
Почему, непонятно.

Почему — не понять,
Но и думать не надо, —
По Фонтанке шагать
Мимо Летнего сада,

Где снежок порошит,
Безоружен и тонок,
И без страха летит
Мне навстречу спросонок.

4.02.72

*Предчувствие любви прекрасней, чем любовь,
Пока ещё печаль не смеет оглянуться,
И шага у виска не прибавляет кровь,
И слово не спешит под сердцем повернуться.*

Не первая любовь, не пылкая, светлая,
С фигурных лепестков не выпитая влага
На розовом кусте, когда гроза прошла
И слышится земли размеренная тяга.

Я не спешу тебя по имени назвать,
Предчувствие любви, пускай твой час продлится,
Но счастье решено, его не миновать,
И медлит тишина, готовая пролиться.

4.02.72

О, не затем ведь, чтобы печаль
Мною владела так вдохновенно,
Светятся звезды, близится даль,
Катятся воды, всё неизменно!

Исповедальней будь, небосвод!:
Не из моей ли вышли печали
Мерные всхлипы медленных вод,
Зодиакальное сальто-мортале?

Счастье бесплодно, сердца не жаль!
Лёгкое горе, быстрая серна,
Властвуй смелее! Здравствуй, печаль!
Ты путеводна, четырёхмерна.

5.12.71

Киприда, вспомни обо мне!
Подстрой нечаянно ловушку
Ночей, проплаканных в подушку, —
Щедрот, не виданных во сне.

Своей счастливейшею властью
Мою свободу озари:
Приговори меня к несчастью,
Пожизненно приговори!

Я не хочу любви счастливой:
Её, как гибели, боюсь.
О доле злой, несправедливой,
О жалкой участи молюсь.

Не обмани моей надежды,
Когда у зеркала кладёшь
Свои печальные одежды:
Косынку, платице и брошь.

30.03.72

Печаль моя, нищенка злая!
Воровка, чернавка, святая,
Накрытая мокрым рядном,
Не кончись, прошу об одном... —
Да где там! Надежда пустая...

28.02.72

Зачем этот вечер ясен и сладок
И долог, и уходящий час
Таится в гардинах, в изгибах складок,
И это всё — не в последний раз?

Когда тускнеют в памяти лица,
И тень колеблется на песке,
Во рту прохлады мятная длится —
И слово тает на языке.

6.03.72

КИПРИДА И АРЕЙ

Нежнейшая пора прикосновений,
Скользкий взгляд, прохладная рука,
На цыпочках уходят облака,

И ветерка легчайших дуновений
Недостаёт, и слышится река.

Не разбуди его, он спит пока,
И это сон внимательных растений,
И золотистый локон у виска
Завит, но ты не видишь завитка,
А он во сне не видит сновидений.

30.03.72

Чернофигурная весна.
Чернеют кроны, неодеты.
Громада воздуха ясна
И обещанием согрета.
Чудесен этот чёрный день
В его наигранном бездельи,
Ветвей творительная лень,
Домов сырые акварели.

14.02.72

Дурнушка, зеркало моё,
Чудачка, чуточка, чухонка,
Весны блаженное питьё,
Очарование ребёнка...

Как ты, язычница, мой свет,
И я уже теряю меру,
И счастье есть, и горя нет,
И клятвы приняты на веру.

Не обернись, моя душа,
Привычной скукою земною,
Пока загадка хороша
И мой сурок со мною!

1.03.72

На Гражданском проспекте весна —
На Гражданском проспекте, где крыши
От дешёвого золота рыжи,
И закату рубашка тесна;

Где белесые ночи без сна
Мы проводим всё реже и тише;
Где высокая память ясна —
Не яснее, чем небо, но выше...

Не любовь, только память жива!
Не любовью, а памятью живы
Задушевные наши слова

У другого конца перспективы:
Далеки, различимы едва,
Далеки — оттого и красивы...

14.03.72

В ДЕНЬ МОЕГО 26-ЛЕТИЯ

Пришла пора, печальная, как дверь!
Течёт пространство, прибывает время.
Скажи, река находок и потерь,
Кто я на этом свете? С кем я?

Не с той ли, что, изверившись в любви,
Из прошлого глядит в моё сегодня?
Где книги? Где наставники мои?
Где хартия господня?

Течением куда меня несёт
В убогой продырявленной пироге?
Куда скачу уже который год,
Галопом на единороге?

Как мне от этой хмари улизнуть?
Любви и дружбы, совести и смысла
Добавь, Киприда, в мой безвольный путь,
Пока душа не скисла.

Я упиваюсь памятью любви,
А не любовью — скверно, в самом деле!

И рифмы, стакнутые визави,
Расходятся без цели.

Уйми, Клото, своё веретено!
Как мне избавиться от этой гонки?
Как жить, когда ни жизни не дано,
Ни смерти в Миссолонги?

14.03.72

Тихонько клавишей касаться
И слушать, слушать в полусне —
И станут ясными казаться
Пути, обещанные мне:

Все краски, все слова, все звуки,
Все истины, все времена,
Все заповедные науки —
И в небе звёздочка одна.

17.03.72

К полудню стволы отогрелись,
Растаял игольчатый лёд.
Весны нестерпимая прелесть,
Слепя, по ресницам идёт.

Под окнами, где насажденья
И чахлые клумбы в саду,
Не знает конца наважденье,
Сияет у всех на виду.

Я — веточка, почка, травинка,
От счастья почти не дыша,
Я вижу: струится тропинка —
Взгляни, до чего хороша!

27.03.72

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТРОФЫ

Темноволосая Нева,
Прохлада ясная, дневная
Течёт, знакомые слова
Задумчиво припоминая.

И я припоминаю их.
Когда мне радостно и больно,
Перебираю этот стих,
Грущу и улыбаюсь вольно.

И все начала и концы
Соединяет эта мука,
И небо смотрит близоруко
На эти воды и дворцы.

11.04.72

ИКАР

Если небо с тобою на ты,
И глазеет простор виновато —
За свободный глоток высоты
Разве есть непомерная плата?

У черты человеческих сил,
Высоте посвящая усилья,
Он о будущем сердце спросил —
И расправил печальные крылья.

20.03.72

Ну да: это счастье.
Как хочешь, его назови:
Чернильной властью,
Болезненной тенью любви.

Болезненной тенью
Оно и приходит ко мне.
Так вмятен растению
Кусочек пространства в окне.

Им бредит дальтоник,
Глаза в бесконечность вперя,
Когда подоконник
Оближет сырая заря.

Слова, улечась,
Прозрачным оставят вино.
Светла моя участь.
Её возмутить мудрено.

7.02.72

БЕРНГАРДОВКА

Не убережешься от привычной муки!
Порожня бутылка на столе,
Охапка дров, заножённые руки,
И утро в остывающей золе.

Гурьбой, едва знакомые, друг друга
Подзуживая, съехались сюда,
Шумели ночь, а утром та же скука,
Да в ковшике застывшая вода.

Предметов нежилое постоянство
Перебирая, чувствую виском
Нетронутое зимнее пространство,
Нависшее над низким потолком.

6.02.72

Поэзия — это разврат:
Поэзия — это возврат
Того, в чём судьба отказала,
И перечнем сладких потерь
Она усыпила, поверь,
Опутала нас и связала.

26.03.72

Не относись ко мне серьёзно.
Известно всем: стихи — игра,
И мне раскаиваться поздно
И отступаться не пора.

Я, верно, слёг бы от безделья
Или состарился в тоске,
Когда бы не было веселья
И наслаждения в стихе.

Назло серьёзности житейской
И всем порядочным трудам
Я этот вздор эпикурейский
За Эльдорадо не отдам.

29.04.72

Потороплюсь! Минута длится,
Живу, и старше становлюсь.
И может всяко получиться.
Потороплюсь! Потороплюсь!

Пока дышу, надеюсь, мыслю,
Смеюсь и плачу на земле,
Потороплюсь — и перечислю
Предметы на моем столе.

30.12.71

Печаль задумана умно.
Надёжней не бывает грима:
Ведь счастье так непоправимо,
Его не сглазить мудрено.

Печаль придумана затем,
Что радость ищет оболочку —
И боль, упрятанная в строчку,
Уже не слышится совсем.

От счастья делается жаль —
Признаться ли? — себя, и только.

Горчит откушенная долька,
Горчит любовь, сладка печаль.

28.12.71

Вот сутки прожиты сполна —
И смерть приблизилась на сутки.
Так эта истина ясна,
Что стоит невесёлой шутки.

На сутки раньше пустота
Разучит ссориться, влюбляться.
Так эта истина проста,
Что ей и камни умиляться.

Тверди себе, что долог век,
Что ты покуда ладишь с Богом, —
А он, быть может, за порогом,
Твой срок, последний твой ночлег.

23.12.71

Всё укрупняясь и яснея,
Подкатывает жизнь к черте:
Сегодня вечные, за нею
Мы завтра сгинем в темноте.

Черта пока неразличима,
Как маленький метеорит,
Зато уж смерть неизлечима
И всех безумцев усмирит.

10.02.72

Бесстыдник ветер, этих ног
Касающийся и подолом
Играющий... О, если б мог
Я на минуту стать Эолом!

Мой бог, какая благодать!
Не дорого и жизнь отдать
За эти несколько мгновений
Ласкающих прикосновений.

3.03.72

Время с цепи сорвалось.
На два пуховых сугроба
Утро в постель пролилось
Зябкое, точно хвороба.

Солнцу неважно спалось.
Меркнут трапеции, чтобы
Парой настенных полос
Вновь появиться для пробы.

Тайна, печаль и вина —
Тонкая, как седина
Ночи алмазная сутра —

Выветрилась, не видна.
Милая, как ты бледна!
Что тебе снилось под утро?

15.12.71

Я помню, минуты густели,
Тянулись, сливались в одно,
Глаза её страшно пустели,
Зрачки уходили на дно.

Но вечер за дверью балконной,
Стекла запотевший провал,
Растаял в горячке бессонной,
Повыспросил всё, миновал.

И вот в коридорах филфака
Она, в окруженьи подруг,
Спешит, зачерпнув полумрака,
И взгляды встречаются вдруг.

Откликнется мне односложно,
Кивнёт, промелькнула, прошла.
Поверить никак невозможно,
Что это она и была.

Психея, живая частица
Любви, вдохновенья, житья,
Летит, упорхнувшая птица,
Обида и тайна моя.

И я, неудачник, зануда,
Мальчишка, слюнтяй, идиот,
Гляжу, провожая как чудо,
Стремительный этот полёт,

Где всё в этом облике нежном,
Ребяческом этом кивке
Зачёркнуто взрослым, небрежным,
Шальным завитком на виске.

20-25.02.72

ИЗ АСКЛЕПИАДА

Я ласков с тобою и нежен с другой,
И совесть нисколько меня не тревожит.
Я занят собою, мне дорог покой.
И ты утешаешься тем же, быть может.

13.08.72

Зима не кончилась в апреле.
Апрелю не было конца.
Деревья медленно старели
И цепенели небеса.

И даже к середине мая
Не изменилось ничего —
Но эта пауза немая
Не обманула никого.

О, эти голые дороги
И ощущение вины!
Куда запропастились боги?
Не получается весны.

26.04.72

Не истины, но только тишины —
Глазеющим заслушаться простором,
Накатываньем медленной волны,
Эпическим, настойчивым повтором, —
Мне хочется, — и я не виноват,
Что вот уже не слушаются руки,
И строки вылезают невпопад,
Как крабы на песчаные излуки.

29.02.72

Пленительная тишина!
На глади озера — ни складки,
И камышинка лишена
Своих покачиваний сладких.

Пока надумала волна
Вздремнуть, усталая, как прачка,
И белым трепетом полна
Луны холодная горячка —

На середину заплыви,
Ляг на спину и слушай слепо,
Как изначальный гимн любви
Струит таинственное небо.

Раскинься, медленно дыши,
Лежи и слушай без движенья,
Как ослабляется души
Поверхностное натяженье.

23.05.71

Проносится люггер голландский
На фоне дворца и реки,
Пернатую тенью гигантской
Срываясь с воздетой руки —

И сумрак полдневный распорот
Иглой в повороте крутом,
И этот немислимый город
Лежит у него за бортом.

9.02.72

Внимательные отступают воды,
И тень легчайшая ложится на песок,
Прозрачная, как бриз, ласкающий висок,
Как дуновение свободы.

Я знаю твой приход. Как сердце он живет!
С земными женщинами несравнима,
Ты, улыбаясь мне, проходишь мимо
И я на долгий миг умён и даровит.

10.03.72

Бережно касаюсь тишины,
Сердцу соприродной осторожной
Мягкою подушечкой подкожной —
Пальцы осязанья лишены.

Имя подбираю тишине:
Май в Политехническом, Вивальди...
Слёзы высыхают на асфальте,
Ласточки мелькают в вышине...

26.05.72

Июнь, входящий в комнаты без стука,
Овидиева древняя наука...
Нет, я не пасынок на той земле,
Где Пастернак — Овидий в феврале.

Киприда! Перевёрнута страница.
Смотри, твоя молоденькая жрица
На раскладушке голая сидит
И в потолок испуганно глядит.

Взгляни на эти сомкнутые руки:
Как хочется им преуспеть в науке,
Как грудь божественно обнажена —
Как вся очаровательна она!

Послушница, от слез полуслепая,
Себе самой ни в чем не уступая,
Она — не падчерица на земле,
Где Пастернак — Овидий в феврале.

5.06.72

Ещё глоток — и ночи лишены
Июньской белобрысой тишины...
Напиток этот сладок и прозрачен,
Да вот беда: не всякому назначен,
А только тем, кто днями видит сны.
Напиток этот — каждый знать обязан —
Для нищих сердцем противопоказан.
Покинутые — им обнесены.

3.06.72

О. М.

Поэт дурачился с пространством,
Захлёбывался высотой
И упивался постоянством
Своей иронии святой.

В порывах дик и неумерен,
Служа несбыточной мечте,
Он был пророчески уверен
В своей конечной правоте.

18.07.72

Один писатель живёт в столице,
Другой писатель живёт в станице,
Третий писатель бродит по свету
И напевает песенку эту.

Никто не знает, о чём он пишет,
Кого он видит, кого он слышит,
Какую выберет он дорогу.
Никто не знает — и слава богу!

Его ведёт по земле свобода,
Давно стыдящаяся народа,

А чем она ему наполняет
Сердце и душу — уж он-то знает!

3.06.72

Ещё глициния цветёт,
Земля ещё вертётся,
И нас ещё судьба ведёт,
И нам не отшутиться,
Когда Ниспровергатель тьмы
С подъятою десницей
Беспечность, данную взаймы,
Востребует сторицей.

16.07.72

Не оттого ли, что ты — в Коктебеле,
Так беззащитен и тонок
Дактиль в своей полуночной купели —
Мой безымянный ребёнок?

Писем не пишут из Гипербореи:
Сердце не сосредоточить.
Мчаться в Тавриду — скорее, скорее!
Только б тебя не просрочить.

Дактиль укутан в своей колыбели
Ворохом белых пелёнок,
По небу ходит в твоём Коктебеле
Мой белолобый телёнок...

15.06.72

У КАРАДАГА

Когда та женщина нагая,
Из тёплой ночи возникая
С волной, легка, как пенный взлёт
Фосфоресцирующих вод;
Когда, ночная nereida,
Она, свободно и открыто
На плотный вымокший песок
Ступая, шла наискосок
К скамье, чтобы легчайшей тканью
Взмахнув, не вытирая плеч,
Фигурку стройную облечь
И сесть, переводя дыханье, —
Над полуостровом твоим,
В расщелину, где мгла ютилась,
Замеченная мной одним
Звезда печальная скатилась.

8.09.72

Круглится счастье, точно глобус,
Манит Евксин, но час настал
И завтра крохотный автобус
Нас увезёт за перевал.

За мысом выжженным, кудлатым,
Сияющего моря край
Мелькнёт в последний раз... Прощай!
До Одиссея ли? Куда там!

Ты исповедью мне была,
Печальная Гиперборея!
Но слышатся колокола.
Прощай! Закрой лицо скорее!

Круглись, прекрасная земля,
Звените, ласточкины слёзы!
Взмывайте в небо, тополя,
Вздымайтесь, вечные вопросы! ...

19.07.72

СРЕДНЯЯ КОСА

Такая удивительная тишь,
Что, кажется, по воздуху летишь,
И птичьи источает голоса
Дремучий остров, Средняя коса,

Где мы застряли между двух морей, —
Сидим в Боспоре, в тех гипербореях,
Откуда рожь и полба шли в Пирей
Под аквилон, поскрипывавший в ряях...

Как даль ясна! Как вечность далека!
Полуоткрытый клювик кулика,
Нелепый, будто вымолвивший слово...
Как сладок ветер, дующий с Азова!

21.07.72

Я не узнал тебя, Пантикапей!
Не угадал тебя, неблагодарен,
В краю невероятных эпопей,
Где Корчев Керичью назвал татарин.

В твоей катастрофической судьбе
Гомеровский я различаю почерк.
С младенчества я грезил о тебе
И вот не угадал твой нежный очерк.

Здесь жизнь свою окончил Митридат...
Гордыня схлынула, царит унынье,
Смешенья мрамора, имён и дат...
Колонны цоколь, а вокруг пустыня.

Здесь ласточки кружатся надо мной,
Над кранами, причалами и доком,
А древний понт, забытый древним богом,
Лежит и спит белёсою стеной.

Я не узнал тебя, мой давний бред,
Но памятью я от тебя завишу,
Я твой тревожный древний воздух вижу
И тёмных былей различаю след.

21.07.72

Дурачиться! Хочу дурачиться!
В реестрах у судьбы не значиться.

Что разум твой? Одно название.
Не отвернись, моё призвание!

Из качества ведёт в количество
Ребячливость, её величество.

Ты в дружбе с ней, моё дурачество,
Серьёзнейшее в мире качество!

23.07.72

В капризной тишине квартиры
Живёт честолюбивый бес.
Не хочет он домашней лиры
Успокоительных чудес.

Он требует высокой власти,
Толпы, захваченной врасплох,
Захлёбывающейся страсти,
Опустошительных эпох...

А за окном босые птицы
Сидят на проводе рядком.
В квартире сохнут половицы
И пахнет кислым молоком.

4.08.72

Творительный месяц июнь
В конце декабря вспоминая,
На свечку оплывшую дунь
И друга припомни, родная.

Припомни тяжёлый песок
И медленный дактиль прибоя,
И жёлтого неба кусок,
И всё, что случилось с тобою.

Не всякая правда спешит,
Хитрит, коготки выпуская,
И время недаром бежит —
И ты не спеши, Навсикая.

На шорох знакомых шагов,
На голос не смей оглянуться,
Когда у твоих берегов
Опять паруса улыбнутся.

4.08.72

Приди с полотен фра Филиппо
В мой дом, где пол не подметён,
Где на столе бумаги кипа,
Будильник, лампа, телефон.

Тревожным взглядом флорентинки
Окинь мой немудрёный быт,
Заметь на клавишах машинки
Чужой, славянский алфавит,

Носок в пыли под табуретом,
Бутылку с клеем на шкафу,
Тетрадь с неизданным поэтом,
Где кто-то отчеркнул строфу...

Нет, я судьбою не обижен!
Пишу статьи, дружу с людьми.
Порой мне голос музы слышен.
Я счастлив, чёрт меня возьми!

Зачем же, улучив минуту,
В моём вертепе, взаперти,
Душой, ревнующей к уюту,
Я говорю тебе: приди?

7.09.72

Медленного времени следы
На лице твоём запечатлелись,
Будто долго в зеркало воды,
Наклоняясь, вглядывалась ты,
Но глаза твои не нагляделись...

Та неизъяснимая печать,
Что душевным опытом зовётся
И сердца умеет различать,
Шепчет: вот бы снова всё начать,
А судьба скупа — не улыбнётся.

20.09.72

КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА

Чем изводился Лев Толстой
От этой музыки густой,
Взрослея, лучше понимаю.
Какой привязчивый финал!
С меня довольно, я устал,
Конец. Я рычажок снимаю.

Меж тем у зеркала она,
Ещё пространствами полна,
С расчёской возится в прихожей.
Лаванды коктейбельской вздох,
Прощальный взгляд, немой упрёк,
И я с моей всегдашней ношей.

1972

Как притягателен порок!
Куда сильнее, чем невинность:
Она пугает, как повинность,
Которой выполнить не смог.

Молю тебя, не уходи,
Сиделка, слез моих свидетель,
О сдержанность! о добродетель!
Не отлучайся, посиди.

23.12.71

Измена — вот мера любви:
На всё она разом ответит.
Предательство бродит в крови,
Насильем Раскольников бредит.

Не выгода или почёт,
Не к радости, не к сладострастью,
Нет: подлость ведёт и влечёт
К пучине с открытою пастью.

Случайно в неё заглянув,
Мечтать улизнуть бесполезно:
Голодный разинула клюв,
Манит пучеглазая бездна

Тщедушную совесть мою
Не знаю уж, дерзость иль робость
Подталкивает в полынью,
Влечёт в безвозвратную пропасть,

Клянусь себя в тысячный раз
Ищу избавленья, спасенья,
И пьян от бессонного бденья
Её гипнотических глаз.

11.05.72

КЕНТАВР И МИНЕРВА

Богиня, искупи раздвоенность мою!
Я быть готов конем, седлу подставив спину —
Тогда избавь меня от разума, молю!
Я человек, но лишь наполовину...

Когда от конской резвости моей
Не нахожу спасенья,
Жестокости прошу, не милости твоей,
Не справедливости, но мщенья!

Освободи меня от совести, возьми
Владеющие мной порывы и сомненья —
Или позволь мне жить с людьми,
Людского причаститься вдохновенья.

3.03.72

КЕНТАВРОМАХИЯ

Я человек, и плоть моя молчит.
Я человечье напрягаю ухо —
И сердце зачарованно стучит,
И голос флейты достигает слуха.

Но злая нимфа тешится окрест:
Несчастливая, разбуженная совесть,
Блюстительница заповедных мест,
Где юность бодрствует, к трудам готовясь.

Она — мой друг: страдаю, не допив
Её целительной и горькой чаши.
Она — мой враг: завистливый лапиф,
Который видит сумасбродства наши.

Я человек, но лишь наполовину:
Боюсь не победить, не побороть
Высоким крупом выгнутую спину,
Четвероногую тугую плоть.

Я вижу мир копытами кривыми,
И похотливый хохот нелюдей
Уходит отголосками живыми
В лесную глушь Фессалии моей...

3.04.72

Нет, я ещё не сыт самим собой!
Собой люблюсь я — и презираю
Себя, и от гордыни умираю,
И тешусь жалкою моей судьбой.

С достойнейших людей снимаю мерку,
К себе прикладываю — всё не так!
Нелепый, всем наскучивший дурак,
Зануда, трус выходит на поверку.

Я сетую на век, на времена,
Клянущу мещанство, хамство, несвободу,
Нужду, неинтересную работу —
И чувствую: во всём моя вина.

Порою — точно бес в меня войдёт:
Мне унижение радость доставляет,
А слёзы и обиды избавляют
От притеснений и забот.

Кто может быть несчастнее меня?
Кто может быть счастливее? Бессонный,
Со мною этот голос приглушённый,
Ни ночи не дающий мне, ни дня.

1972

К РУССКОМУ ПИНДАРУ

1

Певец печальных вод, любовник Прозерпины!
Когда уронит ночь прозрачный холодок,
Оставь и мне в ковше микенской глины
Солёной нежности глоток!

2

Когда, любовник Прозерпины,
Ты лицезрел печальные поля,

И злomu солнцу подставляла спину
Моя несчастная земля;
Завидя скорый гнев обманутого мужа,
Тебя под сень дубрав подруга позвала...
Но не лете́йская — людская стужа
Тебя ждала.

13.02.72

Афины, этот спрут, в гордыне уличён
У локрских берегов, в отваге детской,
Где двадцать кораблей выводит Формион —
Один к пяти! — на флот пелопоннесский.

Мой непривычный глаз резни не разглядит.
Туда, где сгрудились триремы кучей,
Веди меня по водам, Фукидид,
Дразни меня, выматывай и мучай.

И что за благодать: неравный этот бой
Пытаться разглядеть, над водами виднеться
Бакланом молодым, заигрывать с судьбой
И в детство человечества глядеться!

Тысячелетний зной, векам потерян счёт,
Под выгнутым крылом — залива постоянство,

Над морем, полнясь временем, течёт
Внимательное, ясное пространство.

26.02.72

РЕЗНЯ НА КЕРКИРЕ

Слепые демоны гражданской распри,
Проклятье вам! Прощай, моя Керкира!
Афины, победившие мидян,
Афины, этот спрут, держатель ста земель,
Глазеют на тебя: маячат в отдаленьи
За гаванью твоей крылатые суда.
И ты, Лакедемон, кичливый и тупой,
По всей Элладе страж законов и приличий,
Ты тоже где-то тут, ты смотришь: чья возьмёт?

Покуда делят мир великие державы,
Терпи, Керкира! Некому пенять.
Слепые демоны гражданской распри
Не пощадят твоих детей безумных:
Одни бегут в Эпир, на материк,
Другие, бой на площадях затеяв,
Ворвутся в храмы, осквернят святыни
И будут резать братьев малолетних
И старцев отрывать от алтарей.

29.04.72

Моя одержимость спасает и губит меня.
Питает решимость, не знает ни ночи, ни дня.
Но вот мне уступка: в чаду беспризорных недель
Я выжат, как губка, и брошен на сутки в постель.
В бреду полусонном обрывки видений слежу:
То пешим, то конным, то пленным себя нахожу,
Сквозь дымку историй печальницу вижу во сне
В платочке, который хранить полагается мне.
Блаженная пытка! Пространство, как сливки, слито
В мой хлев до избытка, со мной завернулось в пальто,
Я голову прячу, оно пробирает меня,
Я пойман и плачу, не помню ни ночи, ни дня...
Пусть всё повторится! Её упрекнуть не могу
За то, что творится в моём воспалённом мозгу.
Пусть переиначат вконец обезумевший век!
Пусть норов мой скачет, неистовый, как печенег...

27.09.72

День беспутный, квёлый
С облака летит,
Слякотный, тяжёлый
В комнате следит;
Полон постоянством
Скуки обжитой,

Пористым пространством,
Скважистой тщетою.

13.02.72

Ты, Гамлет, — в комнате моей?..
Откладывает день
На тощий коврик у дверей
Твою кривую тень.
Скажи мне, принц, что значит быть:
Себя ли мне любить?
Брехню терпеть, баклуши бить,
Юродствовать и пить?

Рассвет, разбередивший хлам
И ворохи бумаг,
Ещё таится по углам,
Ещё пылится здесь и там
В развёрнутых томах —
Уже разбавленный, впотьмах,
С простудой пополам.

Где зябко сложена постель,
Неубранная мной,
Теки, дневная канитель,
Небитый час дневной,

Глотай безумья мутный хмель
С холодной желтизной...

12.02.72

Ты улыбнулась мне сквозь ряд
Неотличимых лет.
Ты изменилась, говорят.
А я — неужто нет?

Ни на минуту не виню,
Любимая, тебя.
И я себе не изменю,
А изменю себя.

И я теперь уже не тот,
И радость вижу там,
Где прежде — лишь холодный пот
Да плату по счетам.

И твой привет, в прорехе дня
Почудившийся тут,
Счастливым делает меня
На несколько минут.

22.12.71

Любовь, возвращаясь всерьёз,
Старинных долгов не прощает.
Порыв очистительных слез
На землю меня возвращает.
Какое блаженство с тобой
Однажды утрачено мною?
Какой искупимо ценую?
Какой восполнимо судьбой?

Какие надежды, скажи,
Какие мечты и заботы,
Порывы, паденья, полёты,
Целительные виражи?
Нехитрая азбука дней,
Рутинная тягучая будней —
Что может быть проще и скудней,
Печальней, дороже, родней?

Потерянным в мареве дня,
Под серым приплюснутым небом,
В осеннем пальтишке нелепом,
Любимая, вспомни меня,
По этой земле проходя,
Над этой просторной рекою,
Над этой поспешной строкою,
За тонкою сеткой дождя...

31.12.71

Когда душа обнажена
И жадно ищет совершенства,
Когда печаль разрешена
Как соучастница блаженства,

Не жду от жизни ничего,
Не нужно чуда никакого —
Мне не хватает одного
Тобю сказанного слова.

Ты угадай, остановись
На полувздохе, полуслове,
Где б ни была, и улыбнись,
Себя поймав на этом зове.

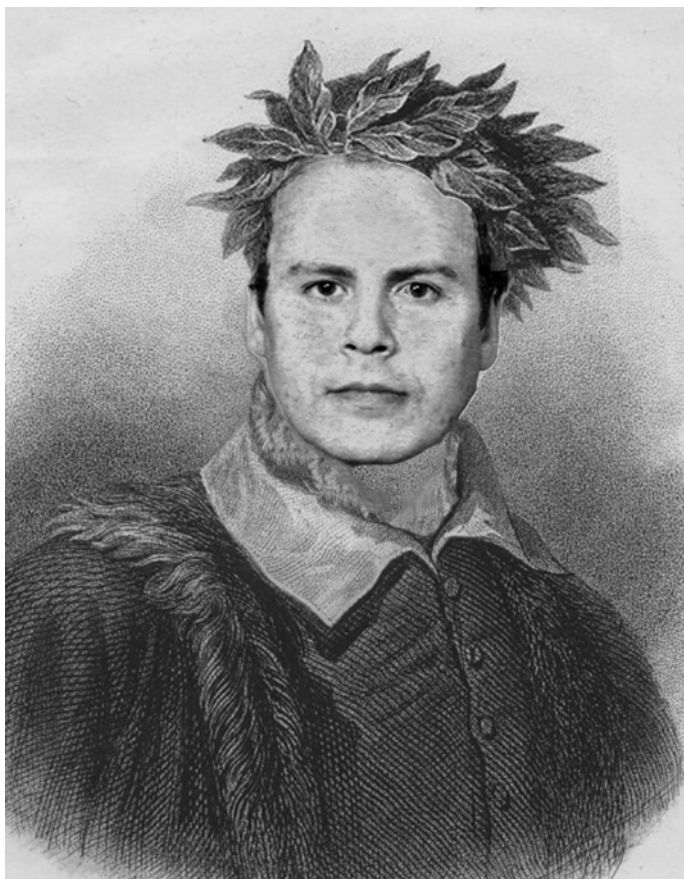
15.04.72

SCRIBO ERGO SUM

(1971-1972)

Юрий Колкер в Риме, 1594

Я хотел бы дожить
до две тысячи двадцать шестого,
На девятый десяток взглянуть
и легко умереть
В сентябре, в нищете,
жалким пасынком века пустого,
Кем сегодня встречаю
вторую никчёмную треть.

5-7.09.72

ДУЭЛЬ

Сани на Волковом поле.
Утро. Отменный мороз.
Ветер гуляет на воле,
Воет тихонько, как пёс.

Два сумасбродных поэта,
Два секунданта... Конец! —

Вынуты два пистолета,
В дула положен свинец.

— Вилли, ты звал его братом!
— Пушкин! Зачем ты молчишь?
Ну, повинись же!.. — Куда там!
Разве таких помиришь!

Оба запальчивы, юны,
Оба играют с судьбой.
Жребий. Улыбка фортуны.
— Выстрел, Вильгельм, за тобой.

— Уж не убийство ли часом
Я замышляю? Тяжёл
Поднятый в уровень с глазом
Тусклый лепажевский ствол!

Пасть от приятельской пули
В этой глухой стороне?
Вот незадача! Ему ли?
Ах, кюхельбекерно мне!

Вот он на мушке... так близко,
Так безмятежны черты!
Нет! не могу... Это низко. —
Вилли стреляет в кусты.

Точно его подменили,
Кинув оружие в сугроб,

Пушкин в объятиях Вилли
Долго смеётся взахлёб.

Тянется долго пирушка,
К вечеру клонится день,
Месяц блестит, как полушка,
В кружках кипит шамбертьень.

10.01.72

ИЗ ЛОРДА БАЙРОНА

Наших встреч уединённых
Вновь навеять не вольны
Прежний пыл сердец влюблённых,
Прежний яркий свет луны.

Ибо меч стирает ножны,
А душа сжигает грудь.
И от счастья, если можно,
Сердцу нужно отдохнуть.

И хоть ночь — пора влюблённых,
И вернуться день спешит, —
Этих встреч уединённых
Лунный свет не возвратит.

23.01.72

АМНЕРИС

Девушка плачет ночами,
Гадкий утёнок, девчонка,
Нежность, забытая нами,
Тонкая, в кольцах, ручонка.

Нежность, тростинка, Изиды,
Лучик тревожный, тычинка,
Вся божество и обида,
Ревности злая личинка.

С тайной мечтою о чуде
Звёзды, девчонку жалея,
Смотрят печально, как люди,
В царские эти аллеи.

Ночь промелькнёт, неизменный
Ра возродится, а ей
Надо прислуге надменной
Скорби не выдать своей.

Муки своей ежедневной
Не с кем тебе разделить.
Милая! Тяжко царевной,
Легче невольницей быть.

24.02.72

ПЕЙЗАЖ

Мягко картавя, струится ручей.
Голосом чибиса
Плачет осока, откуда репей
Силится выбиться.

Сжатая нива, бурьян, конопля,
Буро-зелёная
Стая холмов, а за нею поля,
Степь оголённая.

Где и когда это было со мной?
Или пригрезилось?
Сон? Или выдумка правдой земной
Уравновесилась?

9.08.72

В этом доме живёт пианист.
Посмотри, он ужасный растяпа:
На скамейке оставлена шляпа,
А под шляпой — исписанный лист.

Чуть светает, накинув пиджак,
Он уходит к реке спозаранку

Или в роще отыщет полянку
И сидит до полудня, чудака.

Начиная дневные труды,
Подбирается солнце к окошку.
Улыбаясь, косит понарошку
На дорожку, усадьбу, пруды.

В кабинете, где нет никого,
Забываясь, протяжно и длинно
То и дело вздохнёт пианино
По наитию, ни от чего.

За работой его не застать —
Он, к тому же, изрядный бездельник.
У дороги внимательный ельник
Ждёт, ему не мешая мечтать.

28.12.71

ГОРГИППИЯ

Аттической мысли вторжение,
Боспорского царства пролог, —
Анапа, ты знала крушенье
И кровосмешенье эпох.
Под этой землёй виноватой
Былое скрывала века,
Пока до удара лопатой
Молчали твои берега.

За мысом, в старинных просторах
Мерещится бег кораблей,
В таинственных недрах которых
Пшеница уходит в Пирей.
В порту не пустуют причалы.
На рынке разложен товар,
Во всю голоса зазывалы —
Купцы из Афин и Мегар...

Осталась шершавая кладка,
Кусочек приморской земли,
Пространства и времени складка... —
Её раскопали, нашли.
Пригубить прохладное время,
Робея, спускаемся вниз
Под стену, где сумрак над всеми
Трёхтысячелетний повис...

11-13.02.72

Честное и злое постоянство
Созидая в памяти моей,
Знаю, что враждебное пространство
Верности и памяти сильней.

Можно убедить себя, что где-то
Ты, как я, мечтаешь и грустишь,

Что одна с тобой у нас планета —
На билет накопится, глядишь.

Но болезнью стало расстояние:
Мне разлуку сердцем не понять,
Материк не запихать в сознание
И воображением не взять.

Да и ты, читая строки эти,
Усомнись, подумай тяжело:
— Может быть, его и нет на свете,
А письмом — пространство изошло?

29.05.72

Склонилась чахлая ветла
В краю чухонском, над Невою,
У Ладоги, где даль светла
И сизый вздох над головою...

О чём, простуженный ветляник,
Ты размышляешь, чуть живой,
Корнями, сладкими, как пряник,
И худосочною листвою?

Следишь ли дальнюю грозу,
Колючий ветер попрекаешь?

Смахнув случайную слезу,
Чухонским ямбам потекаешь?..

12.02.72

Ну и лето в Самарканде, ну и зной!
Захлебнётесь — только гляньте! — новизной,
Залюбуетесь, а золота на небе —
Хоть динар себе чеканьте заказной!

Сколько люда отдыхает в чайхане,
Сколько чайников порхает в глубине!
Самовар, лепёшки, дыни — как ведётся.
Разговор не затихает при луне.

Ночь тревожна, как барханы в сентябре.
Мостовые бездыханны, в серебре.
Старики сидят за чаем, как бывало
Рудаки в благоуханной Бухаре...

11.02.72

Умер старый холостяк.

За день до своей кончины
У приятеля в гостях
Был он весел без причины,
Толковал о новостях.
В день кончины на работе
Суетился, был на взводе,
Всем запомнился: в очках,
С важной миной деловитой,
С плоской лысиной сердитой,
С белой паклей на висках.

Вечером в своей квартире,
Ворот расстегнув пошире
И в пижаму облачась,
Сел за чтение... В этот час
Был один он в целом мире.

Спohватились к четвергу.
Слесарь, вызванный с завода,
Справился с замком в два счёта.
Он лежал ничком у входа,
Точно рухнул на бегу.

Я с беднягой не был дружен.
Мой поклон ему не нужен.
Как сказать ему: прости?

Как связать теперь людские
Наши судьбы городские
И несчастье отвести?

11.09.72

Я с миром в отношеньях состою,
Поэтому волненья не скрываю,
Когда почтовый ящик открываю
И что-нибудь оттуда достаю.

У времени ухмылка сорванца:
Вот пахнущая краскою страница —
Какие времена! какие лица!
Тебе, мой век, не уберечь лица.

А вот конверт, знакомая рука
На край земли уехавшего друга.
А это — из журнала... Что за скука!
Очередной отказ, наверняка.

8.08.72

Девочка с колечком на уме,
Зябкое прощанье в полутьме
Таллинского зимнего вокзала.
Узелок на память завязала
Растворилась в медленной зиме,
О любви ни слова не сказала.

В Таллине, где тысяча простуд,
Дуют нескончаемые ветры,
Ёжатся деревья, не растут...
Проглотить бы эти километры,
Возвратиться, поселиться тут...

16.03.72

Солёная сырая тишина
За окнами тихонько раздаётся.
Она не из чего не создаётся,
Но временем насыщена она.

И памятью пронизана она.
Вы слышите? За окнами проходит
Сырая ленинградская весна —
И больше ничего не происходит.

7.05.72

Садится солнце, вечереет,
А рифма светит, да не греет,
И доедает новый день
Катастрофическая лень.

Бреду вслепую, наудачу,
От неприкаянности плачу,
Но дело вовсе не в судьбе,
Когда изменишь сам себе.

Я говорю себе на это,
Что лень — наперсница поэта,
Что я певец у алтаря —
И вру, по правде говоря...

16.05.72

Я собирался сделаться учёным,
Хотел служить наукам отвлечённым,
И вот закончил школу без помех
И подал документы на физ-мех.

А там, набрав положенные баллы,
С размаху окунулся в интегралы,

И что определяет бытие,
Я выяснил на кафедре Лурье...

И закружилось всё, и завертелось...
Ребячество! Куда всё это делось?
Матфизика, задача Дирихле,
Спецафедра, *изделие* в чехле...

А между тем учились мы неплохо.
Мерещилось: нас позвала эпоха.
Сидели с книжками до темноты
И были с разной мудростью на ты...

Но, кажется, судьба со мной шутила,
И я на рифмы поменял светила,
А малые небесные тела —
На то, что мне Эрато наплела...

1.06.72

Материя, пространство, время,
Энергия... неужто всё?
Над категориями всеми
Слышно молчание Твоё.
И слово медлит в повтореньи,
И с нами истина хитрит,

И где-то в пятом измереньи
Моя крылатая парит.

3.07.72

Мне снилось что-то гордое сегодня:
Как будто я — Шекспир или Гомер
И всем вокруг наставник и пример...
Ошиблась муза! Начудила, сводня.

Мне снился длинный университет,
Но нет, не дом Двенадцати коллегий,
Учёные мужи, и этот некий —
Не я, а тот заоблачный поэт.

И дальше шли такие чудеса!
Без тени иронической улыбки
Мои же гениальные ошибки
Мне растолковывали без конца.

Судили обо мне наперебой,
Вставали критики попеременно, —
И нужно было выглядеть надменно
И не смеяться над самим собой.

Должно быть, мне чужой приснился сон.
Гордясь своею славой деревенской

Заказывал такое Евтусенский,
Да адрес перепутал почтальон.

2.07.72

Как таинственно имя твоё,
Человек незнакомый!
Так волнует чужое жильё
И далёкие громы.

Может, счастье — с тобою дружить.
Как прекрасна надежда!
Может быть, ты поэт. Может быть,
Ты пошляк и невежда.

Со знакомыми проще оно
И скучнее бывает:
Только имя произнесено —
От души отлегают.

26.10.72

Имя, отделяясь от меня,
Собирается, судьбу кляня,

Жить самостоятельно и розно.
Странно! Я себя не узнаю,
Сочиняю будущность мою
И уж не оглядываюсь: поздно.

Имя на журнальной полосе
Нежится во всей своей красе
И, по принципу обратной связи,
На меня желает повлиять,
И со мной не ладит, и сиять
Хочет, и не хочет восвояси.

09.1972

Всё идёт своим чередом.
Бесконечно тянется нить:
Учрежденье, улица, дом —
Ничего нельзя изменить.

Коридоры наши длинны.
Бесконечно тянется нить.
Разговоры наши важны.
Ничего нельзя изменить...

Не дадут тебе отвечать,
Не дадут тебе промолчать,

Нет ни родины, ни вины , —
Только каинова печать.

26.04.72

Весна, застенчивость сама,
Уж не сошла ли ты с ума?
Кому отвешиваешь книксен?!
На Невском гомон, кутерьма,
Латают старые дома:
Во вторник приезжает Никсон.
Спроси у этих дураков:
— А кто он, собственно, таков?
Не из страны ли краснокожих?
Вы что, объелись белены,
Что так угодничать сильны? —
И оторопь прочтёшь на рожах.

20.05.72

Двадцать первое число.
Всех куда-то унесло.
Где в такое воскресенье
От себя найти спасенье?

Дай-ка Оле позвоню —
Может, скуку разгоню...
Впрочем, нет, она в отъезде,
На каком-то важном съезде
По турбинам и котлам —
Заседает по делам.
Катя за городом, в Луге,
Тоже бесится от скуки.
Ира замужем давно
И беременна к тому же,
Заглянуть — нарвусь на мужа,
Будет скучно и смешно.
Тане с улицы Восстанья
Не хватает воспитанья —
Всё хохочет, хоть вяжи...
Риту чёрт унёс в Кизи.
Жанна с позапрошлой ночи
В братских странах, у болгар.
Вика улетела в Сочи
Увеличивать загар...
Словом, некуда деваться.
Остаётся убиваться,
Зло по комнате бродить,
Где носок лежит под стулом,
И в висок зловещим дулом
Авторучку наводить.

22.05.72

ПОХОРОНЫ

1

Старуха лежит неестественно прямо,
По самые уши бела.
Она умирала давно и упрямо —
И вот, наконец, умерла.

И вот на Литовской, у Педиатрички,
Сошлась негустая родня:
Какие-то старцы, знакомцы, сестрички,
Зачем-то позвали меня.

Затем ведь, наверно, меня и позвали,
Чтоб вынести ящик гуртом,
И чтобы скамейки не так пустовали
В печальном автобусе том.

За городом, чуть ли не у Левашова,
Где ямы накопаны впрок,
Запомнились лужи, и лёд, и большого
Апрельского ветра глоток...

2

А этот ящик деревянный,
Продолговатый, шестигранный
Покрыт мастикой для полов,
И ручки около углов.

Его волочат двое дюжих
Могильщиков, по икры в лужах,
И третий было подошёл,
Да груз, похоже, не тяжёл.

Из ямы вынуты верёвки.
Лопатами, не без сноровки,
Закопана, исчезла ты.
На холмик сложены цветы.

Прощай, убогая старушка!
Уже затеяна пирушка.
Тебя легонько помянут —
И слёз на несколько минут...

22.05.71

АТЕИСТИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ

Нонне Азарьян

Ей снилось в эту ночь, что к ней вернулось тело:
Что стоит только сон мучительный стряхнуть —
И можно встать, зевнуть и потянуться смело,
К окошку подойти и створки распахнуть.

В халатике цветном и шлёпках полустёртых
Возиться у плиты и, убавляя газ,
Бегущее тепло угадывать в аортах,
В мизинце розовом, отогнутом сейчас...

Но утро настаёт, и верить всё труднее,
Мучительнее сон, ночной сказитель нем,
Проснулась — и душа не расстается с нею,
А тело отнято и съёжилось совсем.

Здесь выдержана боль настоем многолетним,
Приземиста постель, протяжна тишина,
Здесь два десятка лет всё кажется последним
Косой вечерний луч, скользящий из окна.

Каких ей ждать вестей? Вот комната пустая.
С ней только мать одна — ни мужа, ни детей.
А бог глядит с небес, и боли сострадая,
Из нелюбви к себе не помогает ей.

24.05.71

Земля, которая приемлет всех,
Сырым пластом виднелась на экране.
Насыпан холмик был. На заднем плане
Стоял солдат, не поднимая век.

Стоял без слёз... Потом его лопата
В сырую землю глубоко вошла,
И рядом каска мятая легла,
И он ушёл, похоронив собрата.

Над холмиком простёрлась синева...
Я не умею подвига прославить.
Не стану лгать. Тут нечего добавить.
Он жил. Он умер. Вот и все слова.

30.08.72

С фотографий военных глядят
Напряжённо-весёлые лица —
Точно все отвязаться хотят,
А фотограф копаётся, злится.
Столько слышишь несказанных слов
В неподвижном смеющемся взгляде,
Что, мрачней, поверить готов
Обязательной этой браваде.

Неизвестно, когда и кому
И какие назначены вехи —
Плен, концлагерь, в окопах, в дыму,
Под водой ли исчезнуть навеки...
Но военным искусством велят
Овладеть, отложив сантименты,
И бессмертье героям сулят
Аккуратные школьные стенды...

12.09.72

...Вот человек: таинственный сосуд,
В себе замкнувший разума сиянье
И творчества неистребимый зуд.
Он так же сложен, как и мирозданье —
Пока его в клочки не разнесут!

1.09.72

ЭПИГРАММА

Я понял, критик мой блестящий,
Что я поэт не настоящий,
А настоящий — это тот,
Который книжки издаёт.

9.09.72

Уймитесь, серьёзные люди,
Вы, в галстуках и седине.
Очнитесь не в вашем талмуде,
А с совестью наедине.

Не вами ли — не обессудьте —
За истину выдана ложь
И вечность в угоду минуте
Кладётся под жертвенный нож?

Не вами ли взятые в клещи
Ерёмных не выпрямим шей?
А всё же есть вещи и вещи —
И вещи не стоят вещей.

Однажды, в сердцах нарастая,
Прорвётся наружу наш смех,
И ваша серьёзность пустая
Посмешищем станет для всех.

8.04.71

Тоска магазинная, тьма городская,
Воскресная вялость, текучка людская
У грязных прилавков, под вечер, где мы
У вечности взяты взаймы.

За репчатым луком, лежалой картошкой,
У окон, где сложены шторы гармошкой,
Стоим, и унылому времени счёт
Кассирша, сутулясь, ведёт.

1.03.72

Я правильно сделал, родившись на свет
В мою непроглядную пору —
Хоть нет ей названья, как имени нет
Слепца обокравшему вору.
А вам, предстоящим, отвага важна,
И некуда вам торопиться...
Но исповедь эта затем и нужна,
Чтоб вы поспешили родиться.

15.02.72

Прими моё проклятье, день!
Ты, радующийся погодке, —
Корявой, дёрганной походке
С дырявым небом набекрень.
Твоей разинутою пастью
Глазеет голод — голосит
Твоя утроба: ты не сыт
Позором, завистью и властью.

19.02.72

Пусть сдержанность станет опорой,
И с разумом будет дружить
Твой стих приглушённый, который
Мечтает тебя пережить.

В нём ровная явится сила,
Найдя примирительный шаг
С порой, когда слово пьянило
И время звенело в ушах.

12.09.72

Вот частица истины моей.
Пусть она пока во тьме тaitся.
Может быть, кому-то пригодится
Вроде телепатии твоей.

Истина ко мне добра была.
Уживалась, полная терпенья,
С чайником, нагретым до кипенья,
С хламом на поверхности стола.

Слово этой истины темно.
Слабый щит от подлости и злобы,

Всё-таки оно явилось, чтобы
Стать посевом, если суждено.

5.09.72

Твоё воображение и опыт,
Соединясь, дают надёжный сплав,
И ты счастливый различаешь шёпот,
В подсказчице гречанку угадав.

Всю кровь, как заживающая рана,
Твоё занятие древнее берёт.
Так впечатлительного мальчугана
Ночной порабощает небосвод.

Но трепещи, свыкаясь с этой властью,
Где мера слов неслыханно строга,
Где правда — это непременно счастье,
Пускай горька она и нелегка.

12.09.72

Я вырос под отцовским кровом,
Нужды не знал, в обносках не ходил,
Наставником не вышколен суровым,
Не дерзок я, скорее робок был.
Да что там! Избалован был!

Но никогда я не вкусил избытка.
С Лукуллами в садах не пировал.
Да и студенчество — не карнавал.
Хлебнули мы и пряного напитка.

Не труден и не лёгок был мой хлеб.
Судьба мальчишке шалости прощала,
Но семь потов спустить за это обещала
С того, кто не был слеп.

И это время для меня настало.

27.05.72

ИЗ ПИСЬМА К * * *

...ты, я чувствую, улыбаешься... Зря, если так: никакие это не игры и не шалости, а долг перед самим собою. Стихи никому не нужны? Они нужны мне. Я никому не нужен? Я нужен себе. Человеку предписано бороться за себя до последнего вздоха. Мои стихи далеки от совершенства? Что и говорить! Совершенство и вообще-то недостижимо, а тут — мальчишеские опыты, последний этап затянувшегося ученичества. Но я ведь ни у кого не отнимаю воздуха, не так ли? а сам понимаю это моё занятие как дело совести. Я подвожу себе итог.

Ты знаешь, что *Кентавромахия*, первая книга моих стихов, никогда на публиковалась целиком. *Но она и закончена никогда не была*, вот в чём фокус. Эти стихи, при всей их отчётливости от злобы дня, невозможно было напечатать в пору их написания — и они не только не были собраны вместе, приведены в порядок или хоть завершены, — они не были полностью извлечены из черновиков. Работу эту пришлось отложить на полвека. Потому-то моя первая книга и выходит последней.

Объяснять название книги тебе не нужно. Выход из ребячества подразумевал для меня отказ от жеребьячества. Требовалось побороть в себе конское начало и утвердить начало человеческое. Кое-что в этом направлении уже было сделано. Взрослеть и влюбляться я начал рано. Некоторая важная нравственная работа была предпринята в отрочестве. Двенадцати лет отроду я сказал себе: пресловутая любовь с первого взгляда — та же похоть: отстраняю её; противопоставляю ей *избирательное сродство*. Никогда в жизни не стану рабом прямого влечения к женщине, никогда не потеряю головы из-за женской прелести. «Гений чистой красоты» — свидетельство нравственной незрелости поэта и его эпохи. Так вот: здесь, в

Кентавромахии, эта работа завершается.

Не каждому объяснишь, но ты поймёшь: новое нравственное движение потребовало и нового отношения к поэтическому слову, в первую очередь, к рифме. Оттого-то я и начал всё *сызнова* (словечко, заметь, пастернаковское), отбросив целых восемнадцать лет моего детского сочинительства. Весь опыт символистов и футуристов оказался мне не нужен, я повернулся к нему спиной.

В отрочестве, сама знаешь, мы смотрим на взрослых свысока. Взрослость кажется нам синонимом пошлости (приземлённости, сиюминутности). В отрочестве я точно знал, что рифма *кровь-любовь* — пошлость, отсюда и тяга к серебряному веку. В возрасте двадцати четырёх лет меня осенило открытие: вдруг оказалось, что возможна взрослость без пошлости.

А стихи — уж какие есть...

Там ещё, заметь, советская власть под ногами болталась и жить мешала. Взрослость подтолкнула меня к тому, чтобы принять эту власть, как я принимал дурной ленинградский климат: как данность. На дворе стоял тысячелетний рабоче-крестьянский рейх. Конца ему не предвиделось, а жить ведь как-то нужно было. Годы уходили впустую. Но жить значило писать.

Я несколько раз пытался привести в порядок *Кентавромахию*. Посылаю тебе в этом же конверте предисловие к моей попытке 1982 года. Ты увидишь, что мой тогдашний взгляд на эти стихи не вполне совпадает с теперешним. Решай сама, где больше правды и меньше сумасшествия.

Ю. К.

2 июня 2020,
Боремвуд, Хартфордшир

«ПОРА МНЕ СНОВА СТАТЬ УЧЕНИКОМ»

ПРЕДИСЛОВИЕ К МАШИНОПИСИ 1982 ГОДА

Счастье не нуждается в оправдании, зато само служит некоторым оправданием легкомыслию. Половина собранных здесь текстов — экспромты и непритязательные стихотворные упражнения. Это дневник подмастерья, но вместе с тем — и часть моей души; быть может, важнейшая. Обретение поэтом своей манеры, по Льву Шестову, есть для него «начало конца». Здесь — я ещё только на пути к своей манере. Блаженные годы!

Период собственно *Кентавромахии* — пять месяцев: с декабря 1971 по конец апреля 1972 года. Сборник был составлен и размножен в машинописи в Ленинграде. С тех пор в стихи внесено несколько косметических поправок, а к основному циклу, к его ядру, перед ним и после него, добавлены стихотворения 1970-1972 годов, с ним тесно связанные. Эпоха на дворе стояла переменчивая. Для меня это было время последних (запоздалых) иллюзий, последних попыток ужиться с советской властью, а сверх того — ещё и лучшая пора молодости. Я умудрялся писать по несколько стихотворений в день. Откуда такое взялось?

Осенью 1970 года, имея за плечами почти восемнадцать лет сочинительства, я вдруг ощутил потребность начать всё сначала: увидел, что «время снова мне стать учеником». Авангардизм, моё многолетнее кредо, представился мне одной из гримас мании величия. Я заскучал — и вернулся к младенческим ямбам, к млечным рифмам. Возник новый, неожиданный ракурс, жизнь наполнилась смыслом; за этим сальто последовали два года того полного счастья, какое возможно только при полном самовыражении. Так это представляется мне теперь; тако-

во необходимое пояснение к моим, условно говоря, ранним
стихам.

Ю. К.

23 марта 1982,
Ленинград.

СОДЕРЖАНИЕ

СЫЗНОВА

«Мы — поздние всходы земли...»	5	
«Мне столько радости приносит зренье...»	6	
МОИ ЧЕРНОВИКИ («Вместе с памятью пусть и бумага...»)	6	
«Иных взрослят не годы, а печали...»	7	
«О чём я плачу? Можно ли унять...»	8	
ОСЕНИ КАРНАВАЛ	8	
«Какое счастье пасть у Фермопил...»	9	
«Пора подумать о душе...»	10	
«Я человек без биографии...»	11	
ЛАТЫНЬ	12	
«Ключ к нормальной нашей речи...»	13	
«Я только звено в бесконечной цепи...»	14	14
«Что тебе не спится, мельник...»	14	
«Месяц на ущербе...»	16	
«Звёзды. Изморозь. Ночь-колдунья...»	17	
«Десятилетье завершает бег...»	17	
«Метели приходят в упадок...»	18	
«Сидел один учёный астроном...»	18	
«Пойми: мне целый мир не станет домом...»	19	19
«Минут спокойное скольженье...»	20	
«Погода на дворе — ни осень, ни зима...»	21	21
«Мне, изгою...»	22	
«Близится срок. За окном...»	23	
«Вот твой портрет. Ты здесь не Беатриче...»	24	24
«Ты, говорят, разошлась...»	25	
«Печален воздух. Вечер одиноков...»	25	25

«В тот самый миг, когда любовь ушла...»	26
«Я перелистываю дневники мои...»	26
«Любовь всегда одна, теперь мне ясно...»	27
«Я напишу стихи не о тебе...»	27
«Что бежать без оглядки...»	28
«Я вспомнил об истине старой...»	29
«Ты сфинксом смотришь в души нам...»	30
«Вот мир души: ты в нем дитя...»	31
«Приходит год на смену году...»	32
«Настанет мой черёд...»	32
«А что если вовсе...»	33
«Пусть тебя не коснётся забота...»	34
«Как мы молчали об одном...»	35
«Ты придумана мною, я знаю...»	36
«Был вечер в точности такой...»	37
«Погода к настроенью моему...»	38
«Январь проплакал десять дней...»	39

ЭТО Я, ГОСПОДИ!

«Мне дорог дух осьмнадцатого века...»	43
«Прозрачные полутона...»	43
«Венеция. Джакомо Казанова...»	44
«Наш кубок недопит...»	44
«Весна, весна... Простор простужен...»	45
«Я словно впервые встречаю весну...»	46
«Март гриппует, он охрип...»	47
«Апрель выпрастывает крылья...»	48
ДВЕ ПРАВДЫ	
1. «Давай забудем все напасти...»	49
2. «Не хочется недужных строчек...»	49

«Вообрази: мы восьмиклассники...»	50
«Всё взять и всё вернуть сторицей...»	50
«В реке, в лесу, на небосклоне...»	51
«Весна берёт меня за плечи...»	52
«Неба ли весеннего кусочек...»	52
ПРИБЛИЖЕНИЕ ЛЕТА («Пока роятся у висков...»)	53
«Холмы, деревья и кусты...»	54
«Троллейбус: сутолока, толки...»	55
«Важно, как на сцене театра...»	56
«— Как жизнь молодая? — Как богу угодно...»	57
«Дощатый стол, на нем краюха хлеба...»	58
«Опять не ты мне снилась, а другая...»	58
«В моем мальчишеском последнем сне...»	59
«Ты живёшь в Петербурге, где воды слышны...»	60
«Напиши мне длинное письмо...»	61
«Я научился тишине...»	61
«От катера идёт волна крутая...»	62
«Как невская вода у берегов черна...»	63
«Такой внимательный и хрупкий...»	64
ПИСЬМО («Если что-нибудь и было...»)	64
«Пустяк, такую малость...»	65
«Говорю: сбежать бы в захолустье...»	66
НА ДЕСЯТИЛЕТИЕ <i>РАДУГИ</i> («Путник, откуда грядёшь?») 67	
«Сложу высокопарный стих...»	68
ВОСПОМИНАНИЕ («В том сквере на углу...»)	68
К КИРИЛЛУ Л. («Я себе самому не отвечу ...»)	69
«Вечерами у лимана...»	71
«У заката повадка такая...»	71
«Что снилось мне? Турусы на колёсах...»	72

РУБАИ («Не любовь ли толкает безумца к перу...»	73	
ИСПОВЕДЬ ГРАФОМАНА («Мне кажется, что я проник...»)		73
«Немудрёные слова...»	75	
«Господи, сколько свободы...»	75	
«Воркует судьба-ротозейка...»	76	
«Переплету черновики...»	76	
БРОДЯЖНИЧАЮ		
(1) «Дороги, дороги, дороги...»	77	
(2) «Путь не близкий, не долгий...»	78	
(3) КАНЕВ («По Днепру снуют лодчонки...»)		79
(4) «Облака́ к непогоде...»	80	
(5) «Не выискивай замыслов трудных...»	81	
(6) «Мы приближаемся к порту...»	81	
(7) «Какой бедой занесены сюда...»	82	
(8) «Лежу на деревянном лежаке...»	83	
(9) «Текут потоки мутные рекой...»	83	
(10) «Тихая синяя влага...»	84	
(11) «Решусь — и нарисую...»	84	
(12) «Сонные бухты и рыжие скалы...»	85	
(13) «Узкие тропы над скалами...»	86	
(14) «Поэт направлялся к поэту...»	86	
(15) «Домой, домой, домой...»	87	
(16) «Карман мой пуст, но голос чист...»	88	
ПЕРЕД ШТОРМОМ («Этих женщин не спутать ...»)		89
«Девятое чудо земное...»	89	
«Ты на минуту озарила...»	90	
«У ветра прорезались крылья...»	91	
«Помнишь ли? Тёмною брагою...»	92	
УЛИЦА АЛХИМИКОВ («Виды выдавшая улочка Праги...»)		92
ВИФЛЕЕМСКАЯ ЧАСОВНЯ («Часовня велика: простой...»)		94

ОСЕНЬ В ПОЛИТЕХНИЧЕСКИМ («Подсохли лёгкие...»)	95
СЕНТЯБРЬ («Смотрите: нищенок отряд...»)	95
«Хмурые дали...»	96
«Исчерпан Рим стихом державным...»	97
«Тянутся провода...»	98
НА ВОЗВРАЩЕНИЕ В. М. («Там, где память...»)	99
«Котёнок с лапой перебитой...»	100
ВСТРЕЧА («Выходит, ты живёшь на этом свете...»)	100
«Прощай, не моя дорогая...»	101
«В хижине светит лучина...»	101
«Над твоими стихами я плачу четвертую ночь...»	102
ФОТОГРАФИЯ («Посмотрите, вот девушка...»)	102
«Когда она смеётся...»	103
«От неустроенности, что ли...»	104
«Вот и снова я один, вот и снова...»	105
«Ничто не волнует меня...»	105
«Посмотри, дорогая...»	106

КЕНТАВРОМАХИЯ

«Всё начато сызнава, сызнава...»	109
ВЕЧЕР («В окошке, нежная голубка...»)	110
«Поскрипыванье снега под ногами...»	110
«Лёгкий шаг снежинок...»	111
СНЕЖИНКИ («Рама в белом пухе...»)	112
«Ну, смелее, снежок...»	113
«Предчувствие любви прекрасней, чем любовь...»	114
«О, не затем ведь, чтобы печаль...»	114
«Киприда, вспомни обо мне...»	115
«Печаль моя, нищенка злая...»	116
«Зачем этот вечер ясен и сладок...»	116

КИПРИДА И АРЕЙ («Нежнейшая пора...»)	116
«Чернофигурная весна...»	117
«Дурнушка, зеркало моё...»	117
«На Гражданском проспекте весна...»	118
В ДЕНЬ МОЕГО 26-ЛЕТИЯ («Пришла пора...»)	119
«Тихонько клавишей касаться...»	120
«К полудню стволы отогрелись...»	120
ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТРОФЫ («Темноволосая Нева...»)	121
ИКАР («Если небо с тобою на ты...»)	122
«Ну да: это счастье...»	122
БЕРНГАРДОВКА («Не уберечься от привычной ...»)	123
«Поэзия — это разврат...»	124
«Не относись ко мне серьёзно...»	124
«Потороплюсь! Минута длится...»	125
«Печаль задумана умно...»	125
«Вот сутки прожиты сполна...»	126
«Всё укрупняясь и яснея...»	127
«Бесстыдник ветер, этих ног...»	127
«Время с цепи сорвалось...»	128
«Я помню, минуты густели...»	128
ИЗ АСКЛЕПИАДА («Я ласков с тобою ...»)	130
«Зима не кончилась в апреле...»	130
«Не истины, но только тишины...»	131
«Пленительная тишина...»	131
«Проносится люггер голландский...»	132
«Внимательные отступают воды...»	132
«Бережно касаюсь тишины...»	133
«Июнь, входящий в комнаты без стука...»	133
«Ещё глоток — и ночи лишены...»	134
«Поэт дурачился с пространством...»	135

«Один писатель живёт в столице...»	135
«Ещё глициния цветёт...»	136
«Не оттого ли, что ты — в Коктебеле...»	136
У КАРАДАГА («Когда та женщина нагая...»)	137
«Круглится счастье, точно глобус...»	138
СРЕДНЯЯ КОСА («Такая удивительная тишь...»)	138
«Я не узнал тебя, Пантикапей...»	139
«Дурачиться! Хочу дурачиться...»	140
«В капризной тишине квартиры...»	141
«Творительный месяц июнь...»	141
«Приди с полотен фра Филиппо...»	142
«Медленного времени следы...»	143
КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА («Чем изводился Лев Толстой...»)	144
«Как притягателен порок...»	144
«Измена — вот мера любви...»	145
КЕНТАВР И МИНЕРВА («Богиня, искупи...»)	146
КЕНТАВРОМАХИЯ («Я человек...»)	146
«Нет, я ещё не сыт самим собой...»	147
К РУССКОМУ ПИНДАРУ	
1. «Певец печальных вод...»	148
2. «Когда, любовник Прозерпины...»	148
«Афины, этот спрут, в гордыне уличён...»	149
РЕЗНЯ НА КЕРКИРЕ («Слепые демоны...»)	150
«Моя одержимость спасает и губит меня...»	151
«День беспутный, квёлый...»	151
«Принц Гамлет в комнате моей...»	152
«Ты улыбнулась мне сквозь ряд...»	153
«Любовь, возвращаясь всерьёз...»	154
«Когда душа обнажена...»	155

SCRIBO ERGO SUM

«Я хотел бы дожить...»	159	
ДУЭЛЬ («Сани на Волковом поле...»)	159	
ИЗ ЛОРДА БАЙРОНА («Наших встреч...»)	161	
АМНЕРИС («Девушка плачет ночами...»)	162	
ПЕЙЗАЖ («Мягко картавя, струится ручей...»)		163
«В этом доме живёт пианист...»	163	
ГОРГИППИЯ («Аттической мысли вторженье...»)		164
«Честное и злое постоянство...»	165	
«Склонилась чахлая ветла...»	166	
«Ну и лето в Самарканде, ну и зной...»	167	
«Умер старый холостяк...»	168	
«Я с миром в отношеньях состою...»	169	
«Девочка с колечком на уме...»	170	
«Солёная сырая тишина...»	170	
«Садится солнце, вечереет...»	171	
«Я собирался сделаться учёным...»	171	
«Материя, пространство, время...»	172	
«Мне снилось что-то гордое сегодня...»	173	
«Как таинственно имя твоё...»	174	
«Имя, отделяясь от меня...»	174	
«Всё идёт своим чередом...»	175	
«Весна, застенчивость сама...»	176	
«Двадцать первое число...»	176	
ПОХОРОНЫ		
1. «Старуха лежит неестественно прямо,...»		178
2. «А этот ящик деревянный,...»	178	
АТЕИСТИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ («Ей снилось...»)	179	
«Земля, которая приемлет всех...»	180	

«С фотографий военных глядят...»	181	
«Вот человек: таинственный сосуд...»		182
ЭПИГРАММА («Я понял, критик мой...»)		182
«Уймись, серьёзные люди...»	182	
«Тоска магазинная, тьма городская ...»	183	
«Я правильно сделал, родившись на свет...»		184
«Прими моё проклятье, день...»	184	
«Пусть сдержанность станет опорой...»	185	
«Вот частица истины моей...»	185	
«Твоё воображение и опыт...»	186	
«Я вырос под отцовским кровом...»	187	
ИЗ ПИСЬМА К ***	188	
«ПОРА МНЕ СНОВА СТАТЬ УЧЕНИКОМ...»		
Предисловие к машинописи 1982 года		190

